

ВТОРАЯ ВСТРЕЧНАЯ

Все дороги
вели
именно сюда

СЛЕД СНА

книга 1

Пальмира Керлис

Вторая встречная

Пальмира Керлис
След сна. Книга 1

«Автор»

2018

Керлис П.

След сна. Книга 1 / П. Керлис — «Автор», 2018 — (Вторая встречная)

ISBN 978-5-98901-231-2

Лера – равная среди особых. От них ничего не скрыто – ни другие миры, ни чужие чувства. Многие, из подобных ей, сдались, некоторых используют, других не стало. Нужно искать спасение. Она любит порядок, ценит время и правильный выбор. Но как его сделать, если цена – жизнь того, кто тебе дороже всех? Охота началась, расклады изменчивы, и прошлое не забыто. У нее осталось немного: собственные правила, шанс все исправить, и пара мгновений счастья, – чтобы было о чем вспомнить, когда настанет после. А пока придется обратиться за ответами к истории, свершившейся пять тысяч лет назад. Пусть указатели стерты, дороги спутаны. Некоторых встреч не избежать. Куда не иди, в конце поймешь – все пути вели именно сюда.

ISBN 978-5-98901-231-2

© Керлис П., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	27
Глава 4	35
Глава 5	45
Глава 6	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Пальмира Керлис

След сна. Книга 1

Наказание человека – в нем самом.

М. Горький

Глава 1

Опять преследовал тот же сон. Холм. Трава по колено. Желтые шапки подсолнухов. Мелкий дождь, небо хмурое, глубокое. Лес далеко, за полями. Места знакомые, как из видений, но все совершенно нереально: темнеет рывками, приближение ночи пугает, холм заканчивается обрывом, внизу – черная река. Рваный зазубренный край скалится, поток бурлит. Хочется убежать. Босые ноги вязнут в мокрой земле, что-то хлопает. Подсолнухи вянут, кругом вода. Пытаешься вырваться и падаешь, точно не зная – куда, и проснешься ли собой.

Пока получалось. Я сдергивала одеяло, выныривала в отрезвляющую прохладу дома. Уже почти ритуал: зажечь светильник, устроиться с книгой, не спать. Устану, срубит под утро, будет не до снов. Лишь темнота. Да и давно следовало прочитать его целиком – древний фолиант с погнутой спиралью на потертой обложке. Там могло быть что-нибудь важное, упущенное мною ранее. Главное – не увязнуть в нем, как в этом чертовом ночном кошмаре...

Понимала прекрасно – сон связан с видениями. Все оттуда, из жизни той, кем я была когда-то. Энергия вечна, чего не скажешь о людях. Прекращу призывать ее воспоминания, уйдут и сны. Не станет ни липкого ужаса чужих страхов, ни мучительных пробуждений. Тишина. Покой. Собственные сновидения. Но отступать я не собиралась, чувствовала, что оно того стоит. События, произошедшие пять тысяч лет назад, важны. Там кроется ответ, каким еще образом можно избавиться от бессмертной пятерки. Куда-то ведь она делась, их шестая. Как так вышло? Обрести запретную силу, чудом выжить, уничтожить опасного врага, получить бессмертие и... пропасть. Почему? Увы, она оставалась для меня тайной, вся.

Эсте. Девушка, которая не прожила долго – ни в Потоке, ни в реальности. Мы не очень похожи внешне, разве что цветом волос. У нее тоже темные, практически черные, казалось, еще длиннее моих. Она миниатюрнее, ниже. Резкие черты лица, незащитные острые плечи, тонкая фигурка, вызывающая желание предложить пирожок, а то и два. Ей выпало немало путешествий: картинки шумных рек сменялись то приливами моря, то мертвой гладью озер. Можно было подумать, что Эсте нравится вода, но нет – она любила берега. Прочерченные землей границы, ощущение твердой почвы под ногами перед изменчивой неуправляемой стихией. Ее вел дар, даже гнал. Не любопытство, не жажда власти, а необходимость в чем-то. Ком-то? Был мужчина. Мелькал в половине видений, вызывая смесь затаенной радости, жгучей вины и страха. Мне ни разу не удалось его рассмотреть. Стоило ему обернуться, как все меркло, размывалось, ускользало. Сквозь туман прорывался только голос, единственный, которому Эсте внимала. Он утешал, осуждал, направлял, а порой нашептывал то, что подслушивать было крайне неловко. Но кроме голоса – ничего. Ни имени, ни лица. Она не хотела его помнить? Тогда зачем сохранила для себя, пронеся через века? Слишком много вопросов. А вместо ответов – невнятные картинки, словно в облепленном снежинками темном окне.

Снег выпал еще в конце октября, продержался весь ноябрь и не думал таять сейчас, в декабре. Сугробы перед домом расчищали каждое утро, а красивые морозные узоры на окнах не появлялись. Стеклопакеты... Это была Сонина излюбленная игра – придумывать по обрывочным ледяным штрихам целую историю. Она бы и с видениями разобралась. Будь тут, со мной. Первую неделю Анита на мои звонки не отвечала, потом позвонила сама. Сообщила,

что Соня жива, но не очнулась. Навестить ее не дала, сказав, что далековато ехать придется, зато обещала связаться, если будут новости. Не верилось, что они будут хорошими. Не очнулась – может означать, что сознание полностью поглощено, как при ловушке. Пожалуй, лучше умереть, чем позволить бессмертному гаду разгуливать в своем теле...

С Пашей мы не встречались с того дня. Не говорили, никак не пересекались. Он прислал мне книгу – домой, лично в руки, с вежливым курьером. Прилагалась записка: «Все-таки прочитай», и какое-то слово, нещадно зачеркнутое. Не хочет меня видеть, вероятно, и помогать тоже. От Киры я узнала лишь то, что у него полно работы, скверное настроение и стойкое нежелание говорить обо мне.

С книгой я намучилась. Продираться сквозь древнерусский текст – то еще удовольствие. Сплошные загадки, в основном по части смысла предложений. Вникать приходилось в каждую фразу, о многом догадываться интуитивно, кое-что искать в словарях. Мозг упражнялся, в остальном... Вот она – последняя страница, а полезного ноль. Сборник сказок с пространными отсылками к божественному промыслу. Похоже, у автора был дар, и он собирал истории о нем. Вестник упоминался в единственной легенде о погибшей в далеких землях особенной девочке, обладающей невероятными силами. Сколько таких девочек было... Пятьдесят, как и созданных их смертью миров. Ни одной те силы не помогли. Я догадывалась, почему на обложке оказался знак одного из пятерки. Они охотятся на Вестников, и рядом с очередной жертвой могли наследить. Без символа им не обойтись, в чужом теле это ключ к собственной памяти, привязанный к энергии.

Вопросов только прибавилось! В окне занимался рассвет, бледнела оранжевая шапка светильника. Я захлопнула книгу, ветхие страницы скрипнули. В нос ударил запах старой бумаги и пыли, которую было ничем не вывести. Ценной информации нет, от видений в голове каша и боль, вдобавок мерзкое чувство, что я – не я вовсе. Будто наяву заплесала опоясанная разорванным кругом волна, странно замутило.

Я вдохнула – сосредоточенно, полной грудью. Свет в окне вспыхнул ярче, хлынул в комнату. Слепило, реальность дрогнула. Волны энергии подхватили кровать, прожгли пол. Все растворилось в белом сиянии, проявились очертания серых линий. Бросило в жар. Воронка извивалась, танцевала, звала. Непреступная граница, портал в нижний Поток. Ее создавали вшестером, и ключ в энергии любого из них. В том числе у меня, как выяснилось. А ведь... Четыре года назад, Соня пыталась вернуться, но обратно ее уже не пропустило. Если бы я просто постояла тогда чуть подольше...

Стоп. Что я делаю здесь?!

Шаг, словно во сне. Прожгло изнутри, воронка стремительно утянула вниз. Горячая пульсация, выталкивающие к выходу объятия. На мгновение темнота, и снова серость. Скачущие типично телевизионные помехи, точь-в-точь как в Пашиных воспоминаниях и описаниях Сони. Это он – лабиринт. Бесконечно высокие стены, сотни разбегающихся путей. Энергия плотная, колючая, шипела, шла полосами. Вряд ли его можно пройти. Секунду... Какое «пройти»?.. Развернуться и бежать! Что-то зашуршало, в стене выплавился сквозной, уходящий вдаль проход.

Я попятилась, передо мной возникла Яника. Собранные диадемой кудряшки, миловидное личико и тяжелый гипнотизирующий взгляд, разбивающий образ юной девчушки вдребезги.

– Я знала, – она протянула мне руку, – что ты придешь.

Жаль, я не знала!

Гулко бухнуло, мощная вспышка разнесла стену в клочки. Злое бурление энергии, отброшенная прочь ударная волна. Кто-то негостеприимный! Засочилась ядовитая белизна, проход завалило. Черт! Яника цапнула меня за локоть, потащила в руины. Значит, тут по-прежнему на ножах. Удастся ли выбраться под шум их разборки, как в прошлый раз?..

Замельтешили обрывки энергии, все четче, крупнее, начали попадаться не до конца раскрошенные стены. У более-менее целой Яника замерла, приложила палец к губам. Полыхнуло опасностью, пол заискрил. Нас заслонило сотканной в воздухе стеной, которую тут же смяло в кривой клубок помех. Шипение спутанных линий, столп искр. Из них к нам шагнул Крис, с ухмылкой, которая блондину столь смазливой наружности не шла совершенно. Яника засверкала силой, которая тоже была вполне способна обрушить пару стен, отпустила мою руку.

– Беги, – крикнула она мне.

Да легко! Линии стен переплелись, видимое пространство накрыло вспышкой. Белым-бело, звон оглушительный. Я кинулась к выходу. Сердце колотилось, обступал едкий свет. В каком бреду сунулась сюда?! Прибьют или еще хуже... Сожрут! Получат мои знания, воспоминания, все-все. Поймут, что тот, кого они ищут – Артем. От видений у меня мозги набекрень. Недосып – зло!

В белом мареве проклюнулись очертания стен, снова замелькали полосы. Хорошо они лабиринт построили, основательно. Сам восстанавливается. К счастью, я еще застала руины и проскользнула в зарастающие дыры. Впереди показалась воронка, обдало манящим жаром.

– Так быстро уходишь? – разочарованно спросили рядом.

Я шарахнулась в другую сторону. Спина коснулась стены, исходящей от нее вибрацией оцарапало. Выражение лица у Тео было довольное очень, не под стать голосу. У воронки стояла Иллит. Лыда в раскосых глазах хватило бы на целый хладокомбинат.

Лабиринт вырос весь, к стене напротив привалился Базиль. Взгляд из-под рыжей челки был равнодушным, даже в позе сквозила некая лень. Не собирается мне помогать?... Мало ли, о чем два месяца назад говорил... Тогда была нужна, теперь мог передумать.

От Иллит полетел импульс, по всем признакам агрессивный. Гадина! В ответ – инстинктивный вдох, прощупывание энергии. Представить, нарисовать. Будто в Лектуме. Выстроенная преграда в виде обломка стены приняла удар, туго сплетенные линии энергии растаяли, поглотив вспышку. О!

– Какого... – Иллит на миг потеряла надменный вид.

Тео удивленно хмыкнул, Базиль закатил глаза:

– А я говорил, что это сентиментальный идиотизм – ее часть мира оставлять.

Точно... Соня об этом упоминала. Вот почему энергия здесь мне подчиняется! Концентрация, ожившая воображаемая картинка. Круги на полу, сплетение танцующих линий, вихрь, под стать воронке. Настоящий ураган! Умчался к Иллит. Треск, мощные волны света. Удачно она там встала... Впечатало в портал вместе с едва оформившимся контуром щита. Сияние потухло, воронка вновь сомкнулась. Остались втроем. Но куда бы ее ни выкинуло, это ненадолго.

Я отступила к воронке, стены оплавились. Сплющились в линии зигзаги помех, шипение прокатилось эхом. Плохой расклад. Базиль с Тео, и я между ними, примерно посередине. Пришлось замереть, готовясь выстраивать что-нибудь защитное с любой стороны.

– Давай без резких движений, – предупредил Базиль.

Явно не меня. Тео ухмыльнулся. Конечно, обоим нужна я. Всем пятерым нужна. Поглотивший мое сознание выиграет главный приз. Вот только их ловушки – штуки не быстрые, понадобится время. А еще конкурентов обойти. Кто успел – тот и съел.

Лабиринт вдалеке вздрогнул, отдачей пару стен порвало, словно бумагу. Крис с Яникой... И у нас сейчас будет не скучно. Справа Базиль, слева Тео. Впереди – воронка, но до нее попробуй добегать. Нет, сама не выберусь. Увы...

– Иди сюда, – велел Базиль. На этот раз мне. – Медленно.

Я кивнула, захватила вокруг побольше податливой энергии. Форма вырисовалась в голове, воздух наэлектризовался. Пора! Теплота на кончиках пальцев, рывок влево. За спиной

соткалась завеса тумана, плотная, как по заказу. А вот равновесие подвело, вцепилась Тео в плечо. За сгустившейся пеленой мелькнула озадаченная физиономия Базиля. Сумела удивить?

Я отпустила того, кто выглядел не менее ошарашенно. Даже сожрать не пытался, тоже из-за шока, наверное. Из-за тумана донеслось сердитое шуршание, я инстинктивно пригнулась. Над самой макушкой просвистело, пространство взорвалось горячими искрами. То ли Иллит вернулась, то ли Базилю мои фокусы оказались на один зуб, то ли Яника с Крисом разобрались друг с другом и принялись за меня... Все варианты скверные. Запястье словно в тиски попало. А нет, всего лишь за руку хапнули. Тео резко поднял меня с утонувшего в сиянии пола, уха коснулось ласковое:

– За мной, и не выделяйся.

Сдернуло с места тут же. Властные импульсы, громохание. Дыра в стене, по виду пробитая шаром для сноса зданий. Мы в нее пролезли, и все затопило неоднородно белым, изменчиво пульсирующим. Месиво энергии, раздираемой на куски влиянием нескольких человек сразу. Мигание огней, атакующие вибрации. Куда меня тащили – не разобрать. Дорога долгая, почти бесконечная. Вспышки редели, грохот отдалялся. Кажется, мы дали деру, и успешно. Звуки исчезли, воздух непроницаемо зазвенел тишиной. Энергия сгущалась, ее течение становилось размеренным, спокойным. Сжимавшие мое запястье пальцы ослабили хватку, после вовсе соскользнули.

Белизна рассеялась внезапно. Поле. Огромное поле невообразимо желтых, обращенных к теплему солнцу подсолнухов, объятия сомкнутых листьев. Мягкие прикосновения ветра, молочные сгустки пара в траве. Можно было принять их за упавшие на землю облака – такие же пушистые проплывали в неспособном темнеть небе. Желтые шапки вдали сливались в сплошное яркое полотно, на горизонте плескалось море. Уверена, там должен быть песчаный берег, усеянный цветными ракушками, шелест волн и единственное дерево, отбрасывающее на пляж кривую тень. На его стволе вырезаны имена – два, одно из них забытое. Только не было ни дерева, ни пляжа. Лишь огрызок моря, выплескивающий волны в белесое марево. Вырванный из общей картины кусок, словно незавершенный. Но на самом деле эта картина просто стерта не до конца.

Я обернулась. Тео бесцеремонно завязывал узлом листа соседних подсолнухов. Думаю, нападать не будет, раз привел сюда. Перевес сил-то на моей стороне, родной энергии полно.

– Детка, признавайся, чего явилась-то? Не каждый день ко мне так рвутся и цепляются... Я заинтригован.

Глубокий вдох, спокойный выдох. Ну, раз уж я сюда свалилась – грех не воспользоваться.

– Что случилось с Эсте? – спросила я, впервые произнесла ее имя вслух. – С чего она пропала?

Тео расплылся в улыбке, в которой был перебор ехидства. А вот удивления – ни капли.

– Кажется, будка справочного бюро дальше, – улыбка стала шире, – хотя не ручаюсь, проверь.

– Взамен могу рассказать, что задумала Яника.

– Это я и без тебя знаю. – Он легонько подтолкнул подсолнух, тот качнулся. – Приручение Вестников, кусок их силы по любви, и здравствуй, абсолютная власть. Тебе предлагала поучаствовать, ты ее послала.

Выходит, знает все то, что слышала Соня. Она попала к нему обратно! Возможно, до сих пор тут.

– Сдается мне, кое-что полезное тебе известно, – издевательски протянул Тео. – Только ты не расскажешь. По крайней мере, добровольно...

Взглядом меня ощупал красноречиво, с головы до ног. Солнце скрылось за непонятно откуда взявшейся тучей, подсолнухи поникли. Я воскресила в памяти волну в незамкнутом круге. Те, которые последние два месяца рисовала так часто, что теперь достаточно было лишь

представить. Я-то, может, отбиться и неспособна. Но у меня есть она, Эсте. Постоянно норовит прорываться, с каждым мысленно начерченным знаком, пойманным воспоминанием, увиденным сном.

– Вечно у тебя деструктивный настрой, – покачал головой Тео. – Сладкая, как так? Вернулась в реальность, а напряжение снять не с кем?

– Ты нормально разговаривать умеешь?..

– Умею, – неохотно признался он, – но не люблю. Так почему ко мне, а не к Базилу?

Почему... У Сони всегда была отменная интуиция. И Тео она верила. Я в ней засомневалась, и все кончилось тем, чем кончилось. По Сониным словам, он среди пятерки самый адекватный, и ей удалось выжить в нижнем Потоке исключительно благодаря его помощи. Зачем-то тогда затеял расследование подозрительных смертей Вестников, и честно готов был ее отпустить. Да я все испортила.

– Потому что ты единственный, – ответила я, – о ком Соня не говорила ничего плохого.

– Обязательно передам ей, как этим растроган.

Она все-таки жива! Туча растворилась, вновь явив солнце, подсолнухи осторожно потянулись к нему. Мир реагирует на меня и мое настроение...

– Неужели сама не помнишь? Видения от знака не приходят?

– Приходят! Конкретики в них нет. Отрывки, образы, все невнятно, и не по порядку...

– Тут уж как повезет. – Тео до обидного снисходительно на меня посмотрел. – Это ассоциации, крючки для собственной памяти. Не конспект или автобиография.

– Я пытаюсь понять, как вышло, что она... пропала.

– Не пропала, а развернулась и ушла. Сразу. Едва узнала, какова цена.

То есть Эсте ловушек не ставила? Никого не убивала? Стало легче. Невообразимо легко, будто с плеч гора свалилась. Ох! Слишком хорошо, чтобы быть правдой. Ну и пока на мои вопросы отвечают...

– В видениях часто появляется какой-то мужчина. Разброс по времени большой, а он все рядом.

– Какой-то? – несказанно развеселился Тео.

– Не могу рассмотреть. Образ размытый, словно в тумане. Между ними что-то серьезное было. Кто это?

– Твой муж.

– Не мой, а ее, – процедила я, он развеселился еще сильнее. Так! – Только не говори, что ты...

– Спасибо, нет... – От его смеха разом облысело несколько подсолнухов. – Не люблю таких занудных девиц.

Отлично! Тоже мне мечта любой девушки. Наверняка они в очередь выстраивались, исключительно чтобы по наглой роже за все хорошее влить.

– Расслабься, – фыркнул он. – У него и дара-то не было. О твоём он знал, и с нами отпустил. Точнее, с твоей лучшей подругой. Она погибла в той пещере. Насчет остального – не подсказу. Мы не общались по душам.

– А кто-то из вас общается по душам? – осведомилась я. – Вы не друзья, и никогда ими не были. Каждый за себя, так и осталось.

Веселье с него как рукой сняло. Я ведь права, полностью. Они вынужденно вместе, но одновременно с тем порознь, особенно теперь, когда выяснилось, что один из них может получить «абсолютную власть». Пока четверо делили содержимое невыпотрошенной тушки, мы улизнули спокойно. Были бы сплоченнее, меня бы тут уже не стояло.

– Верно, мы не друзья, – сказал Тео бесконечно далеким от привычного тоном. Без язвительных ноток голос странным образом звучал и вкрадчиво, и жестко. – Но и не лицемеры. А ты? Дружишь с принципами или с людьми? Чем больше ты кого-то любишь, тем сильнее

изводишь. А те, кто любит тебя, обречены. Ты выберешь не их, а свои убеждения. И неизменно оказываешься одна. Это было всегда. Дай-ка угадаю, так и осталось?

Я невольно вздрогнула. Небо сделалось пронзительно голубым и каким-то стеклянным, склеенным из кривых осколков.

– Крошка, – улыбнулся он с прежней издевкой, – чего замолчала-то? Вопросы кончились?

Я мотнула головой и, силясь оторвать взгляд от ядовито-голубого неба, выдавила:

– Где Соня?

– Я уж боялся, ты не спросишь! Здесь, в другой части мира.

Сердце гулко стукнулось о ребра. Она рядом! И, судя по всему, в порядке.

– Хочу ее увидеть.

– О, – понимающе произнес Тео, – а я хочу молочный коктейль, надувного розового пони и скатиться с водной горки, так чтобы – брызги, брызги, брызги...

– Что?.. – опешила я.

– Ну, я решил, раз уж ты делишься заветными желаниями, то и мне можно!

Ладони сжались в кулаки, я мысленно себя осадила и на всякий случай прикусила язык. Переговоры – не моя сильная сторона.

– Давай так, – чересчур довольный начал Тео. – Я ее отпускаю, а ты мне потом кое с чем помогаешь.

Кажется, у меня отвисла челюсть.

– Это никак не связано с Вестником, – последовало уточнение. – Даже убивать никого не понадобится.

С ума сойти! Все равно сомнительное предложение. Крайне... На что подписываюсь – неизвестно. Когда наступит это «потом»? С чем нужно будет помочь?.. Не говорит конкретно – значит, просьба мне не понравится.

– У тебя не то чтобы есть выбор, – нагло сообщил он. – Это давно часть плана, но у нее только на днях энергия восстановилась для того, чтобы очнуться в реальности. И да, твоя подруга по-прежнему со мной связана, так что благополучный исход всего один. Ты делаешь, что велят, и без фокусов. Раз уж лично пришла, предупреждаю заранее.

Сволочь!

– Договорились? Или изложить в том варианте, где шантаж и угрозы?

Ах, так это мягкий вариант был?!

Земля странно задрожала, небо померкло. Марево с границы поля поползло нам навстречу, безжалостно сминая подсолнухи, превращая их в такое же белое ничто. В груди кольнуло, накатила слабость.

– Время истекло, – констатировал Тео.

Его пальцы больно впились мне в плечо, повернули к прибывающим волнам человеческой энергии. Кого-то сюда принесло, и наверняка по мою душу. Самое время убираться восвояси! Я дернулась, но тут же оказалась прижата к нему спиной, ни шелохнуться, ни вдохнуть. В молочном тумане обозначились очертания фигур, на поле шагнул Крис. Под вьедливым взглядом нездорово блестящих глаз впору было скончаться самой, причем немедленно. Следом появилась Иллит с... Яницей. Непринужденно под ручку, хитро переглядываясь. Какого?.. Только что поубивать друг друга были готовы! Последним вышел Базиль как ни в чем не бывало.

– Нашлась пропажа, – буркнул он. Крис покосился на него отнюдь не дружелюбно и мигом схлопотал выговор: – Успокойся уже. Есть проблема поважнее.

Не поняла... Они что, снова объединились? Против меня?..

– Я ее держу, – невинно протянул Тео. – Далеко умотала, зараза...

Гад двуличный! Сказала бы, как все было, да воздух таял, и не стоило тратить его на попытку выдавить пару слов. Тучи сгустились, подсолнухи беспомощно склонились к земле. Отовсюду начал собираться коллективный враждебный импульс, и метил он в меня. Черт! Решили сообща мною закусить?.. Чтобы никому не было обидно, и все разом узнали, кто Вестник? Вероятно, мне конец... Неожиданно слабость как ветром сдуло, удалось глубоко вдохнуть. Ощутила, что Тео меня совершенно не держит, еще и щиплет за... Придурок! Выглянуло солнце, цветы робко шевельнули листьями. Сейчас или никогда. Из-за нее же я здесь очутилась! Или она умеет лишь в порталы бездумно толкать?

Собраться с мыслями, начертить в голове тот самый знак, выудить воспоминание, любое. Не смотреть, не чувствовать, не проживать заново. Крепко зажмуриться. Это просто...

Как распахнуть дверь и уйти с дороги.

Прилив. Волны моря, волны силы, волны трансформирующегося света. Поле раскинулось от края до края, до горизонта, шумное, огромное. Желтый цвет будто выкрутили на максимум, пар повалил отовсюду – плотный, обжигающий. Накрыло всех, подсолнухи оскалились сердцевинами из тысячи крохотных лезвий. Внутри заклокотала ярость, оформилась в горячую вспышку. Направленный полет к атакующему импульсу, столкновение. Они разбились друг о друга, поле взорвалось облаками пара и острыми, веером брызнувших лезвий. Бессмертные гады успели нырнуть в траву. Так-то! Тут все подчиняется мне. Чужое менять не столько неприлично, сколько тяжело. Особенно когда хозяин против!

– Стирайте мир, – скомандовал из травы Базиль, – подчистую.

А вот это плохо... Я отступила прочь, поле побледнело и размылось, словно на акварельный рисунок плеснули воды. Пятерка высунулась из укрытия и чуть не попала под новый залп от подсолнухов. Стирать надо тщательнее!

– Удружила, – прошипел Крис в сторону Иллит.

Что?! Этот «сентиментальный идиотизм» – ее?..

Все залило светом, в спину прилетел импульс, явно от Тео. Ничуть не агрессивный, хотя пинок пинком. Ускорения придал зверского, унесло вперед. Поле окончательно поблекло, мир поглотила белизна. Меня выбросило неизвестно куда, подаренная скорость иссякла. Где оно?.. Воронка, портал, выход. Мне туда. Нижний Поток отгородили специально, чтобы нельзя было никак иначе ни войти, ни выйти. Я уверенно нырнула, словно знала направление. В этом белом, бесконечном пространстве, таком чужом, но знакомом...

...энергия сияет, обволакивает, зовет. Сочится силой. Хочется затеряться здесь, и никогда больше не найтись. Все существует вместе, разом – вкусные запахи, сладкие звуки, ласковые прикосновения. Все, что представишь. Для тебя. И оно будет прекрасно.

– Лучшее, чем я представляла, – доносится рядом.

Я вижу ее. Кожа кофейного оттенка, нескладная из-за слишком высокого роста фигура. Беспрерывно хлопающие ладони, взгляд, в котором счастье. На мгновение страшно. То, что безумием казалось, оживает. Но надо ли?

– Не думала, что получится, – вырывается признание.

– Получилось, – наконец улыбается она, впервые за долгое время. – И теперь...

В белизну ворвались серые линии, зашипели, выстроились стенами. Лабиринт. Нельзя задерживаться! Пробитый насквозь проход, пробежка, и энергия перестала подчиняться. Будто что-то ушло, испарилось, отобрав способность ею управлять. Достигали... Не мешкая, я рванула к цели. Впереди затанцевала воронка, обдало обнадеживающим жаром. Пропустит! Шаг, и резко притянуло к противоположной от портала стене. Я сползла на пол, сверху кто-то угрожающе навис.

Базиль. Злая усмешка, цепкий прищур из-под челки.

– Жизни меняются, – произнес он с укором, – а ты по-прежнему подставляешься из-за подружки.

Добегалась... Судорожно пронесли мысли, и толковой среди них не нашлось ни одной. Дар молчал, отбиваться было совершенно нечем. Да и от кого?... Соня выразилась предельно четко – возможно, справлюсь с любым из пяти, но только не с ним.

Почему-то страха не было, ни капли. Внутри разлилось хладнокровное спокойствие, градус уверенности пугающе зашкалил. Никогда такого не чувствовала... Сама не поняла, как поднялась на ноги, символически разгладила юбку.

– А ты до сих пор здесь прозябаешь, – донесся мой же голос, но слова принадлежали не мне. – Кама не для этого искала путь к сосредоточению силы, которая досталась и вам. В итоге же – жалкая игра в прятки. Цель была другой. И ты так и не разгадал, какой именно.

О чем я, черт возьми, говорю?! Нет, не я. Она. Жуткое ощущение, будто меня заперли где-то глубоко, и можно лишь наблюдать. Во взгляде напротив мелькнул гнев, но интереса было больше.

– Выходит, у тебя есть ответ, – усмехнулся Базиль.

– И ловушкой его не достать, – ответила я, кивнув вдаль, на приближающиеся четыре отпечатка. – Это не в постоянной памяти, а знак откликается исключительно мне. Но я вспомню, потому что знаю. Ты ведь за этим предлагал объединиться. Плевать с самого начала хотел на Янику и ее планы. Просто у меня есть то, что тебе нужно. Так что отойди, пока оно не уплыло безвозвратно.

Базиль приглушенно рассмеялся, без грамма веселья. Отпечатки в глубине лабиринта проявились отчетливее.

– В следующий раз времени будет побольше, – обронил он. Прозвучало как обещание. – И нас ждет совсем другой разговор.

– Непременно. – Я беспрепятственно его обошла, шагнула к воронке. – Теперь ваша очередь нагрянуть в гости. А то все я, да я.

Жар портала, покорно расступившиеся линии. Обволокло пульсирующей энергией. Горячо, но даже немного приятно. В воронке столько моего, что никому не выскрести. Она бешено закрутилась, вытолкнуло вверх, словно на воздушных шариках. Портал оказался позади, кругом умеренная белизна обычной энергии, послушной, управляемой.

Выпуталась?... Определенно чувствовала себя собой, никакого неконтролируемого голоса, да и паникой захлестывало с головой. Дрожало все, что могло, сосредоточиться не получалось. Сумела лишь отползти от воронки на безопасное расстояние, чтобы мозги чертовым зовом не опаляло. Ну, допрыгалась. Дорисовалась, довызывалась. Теперь меня так и будет в нижний Поток выкидывать без спросу? Ведь чуть не попалась, потеряла свой кусок мира и возможность управлять нижним Поток, неизвестно во что втравилась с Тео. Помощи с чем он хочет? И еще Базиль с наполеоновскими планами, и я решительно не понимала – чего такого должна вспомнить? А оно мне надо вообще?! Зато Соню вроде отпускают, и я выяснила – Эсте невинных девочек не убивала и к ловушкам непричастна. О Поток знает поболее остальных, и Базиля зацепила парой фраз. Кама... Видимо, та подруга, о которой мне сказали уже двое.

Воронка яростно зашипела, я подпрыгнула. Кто-то привет передает?... Я живо сконцентрировалась, с трудом нащупала зыбкую границу между мирами. Еще бы, на такой-то глубине... Призыв всех доступных сил, рывок на поверхность. Белая энергия стала мягкой, нагретой, обратилось пуховым, натянутым до подбородка одеялом. Подо мной спружинил матрас, линии воронки выпрямились, впитались в узор обоев. Наконец-то реальность! Залитая дневным светом комната, прилипшие к окну снежинки, шапки сугробов во дворе. И Артем на краю моей кровати.

– Где ты была? – спросил он настолько тихо, что затерялись бы любые интонации. – Где-то очень далеко... Там, да?

Эхо слов в голове, взгляд неожиданно не детских глаз. В девять лет так не смотрят. В любом возрасте не смотрят – будто в самую душу, с ледяным, никому непостижимым спокойствием. Я приподнялась над подушкой, на плечи легла неподъемная тяжесть.

– Да, – отозвалась я не громче его. – Там. Я умею открывать границу.

Артем нахмурился, в комнату хлынули лучи солнца. Снежинки в окне заискрились, широко открытыми глазами не взглянешь. Он мотнул рыжей головой, сверкнув всеми веснушками разом, и сказал серьезно:

– Без меня больше не ходи.

– Не пойду, – пообещала я и ему, и себе. Чертова Эсте, чертовы сны, чертово помешательство! Оно могло стоять дорого, очень. Второй раз подобного не допущу. – Буду осторожнее.

Под пуховым одеялом стало необъяснимо холодно. С тумбочки золоченым корешком отсвечивала книга, благоразумно перевернутая обложкой вниз. Артем подобрался ко мне поближе, так привычно и непринужденно улыбнулся. Уткнувшись лбом мне в плечо, улегся рядом.

– Вместе им наваяем!

– Пока рано, – выдохнула я ему в затылок.

– Потом наваяем, значит. – Он завозился, натянул кусок одеяла на голову, высунув нос. – Ты же со мной, скажи?

– С тобой.

Это единственное, в чем была уверена. Ну и в том, что обед сам себя не приготовит, а время-то уже... Ох! Ползаю по низам Потока, бросив ребенка голодать. Няня года! Я обняла его, стараясь расслабиться. Все прошло, вместе с ночью, и я – снова я. Бесценно после всего этого кошмара очнуться дома, рядом с близкими людьми.

А где очнется Соня?

Глава 2

Автобус сдал назад, моргнув фарами в темноту, грузно развернулся и потащился прочь. Расписание прежде всего. Народ начал расходиться, захлопнулась дверца красного фургона с белой, забрызганной грязью полосой. Опять всю ночь лил дождь, такая зима. Хотя снег все же есть – на верхушках гор, за озером.

Беспокойный гул на остановке поутих, из-за поворота показался следующий автобус. Сквозь поредевшую толпу протиснулась она, с натянутой на лоб вязаной шапкой и здоровенным фигурным футляром за плечами. Стойко выпрямилась под его тяжестью и непринужденным шепотом поинтересовалась:

– А где тело?

И никакого тебе доброго утра.

– Увозят, – я кивнул на отъезжающую с остановки скорую.

Неподалеку сновала полиция, сознательные граждане делились всем, что могло сойти за показания. Судя по отпечаткам рутины на лицах служителей закона, любопытной информации – ноль.

– Ты быстро! Как раз в центре города был? – Ее шепот стал смущенным. – Может, зря я позвонила, и ничего такого не произошло. Но мне все это показалось странным, очень.

– Хлоя... Много слов.

– Я с теми двумя парнями вместе в автобусе ехала, – выдохнула она. – Вдруг один как закричит ни с того ни сего, а второй упал. Кинулись ему помочь – пульса нет. Конечно, всякое бывает, но незадолго до того... Сложно объяснить. Будто напряжение какое на секунду выросло или заряд проскочил. Я почувствовала!

Почувствовала, значит. Изменения эмоционального фона ловит, что редкость. По статистике только один из десяти вместе с иммунитетом получает еще и эту малоприятную восприимчивость.

– Второй вон там сидит, в испачканной куртке, – она осторожно скосила глаза в угол остановки. На скамейке тяжело дышал пацан лет пятнадцати, возле него сутился врач. – Выходя из автобуса, в лужу свалился, первые минуты ни слова выговорить не мог. По-моему, до сих пор не отпустило. Я же права? Тут, ну...

Сомневается, как всегда. Хлоя не уверена, что будет у нас работать. Она хочет играть на виолончели, в оркестре. У Маэвы есть еще полгода, чтобы ее переубедить.

– Что думаешь? – донеслось настойчивое.

Не люблю этот вопрос. Мысли каждого – его личное дело.

– Ты куда-то ехала?

– Ага, – она дернула плечом. – На занятия...

– Вот и езжай.

Как раз притормозил автобус, с мягким шуршанием отворились двери. Хлоя натянула шапку чуть ли не на глаза, обняла футляр и нырнула в салон, устало потерев лоб уже за стеклом. Пора выяснить, что она засекла.

Пацан яростно мотал головой, не поддаваясь на уговоры прокатиться в больницу. Вцепился в скамейку так, что пальцы побелели, раскачивался и непрерывно бубнил, что с ним все в порядке. Похоже, пытался сам себя в этом убедить.

– Давай хотя бы до дома подвезем, – сдал позиции врач.

– Со мной все в порядке, – в очередной раз буркнул пацан и зажмурился.

– Отстаньте от ребенка, – сквозь толпу протиснулась мощная дама. Сжатый в ее ладони платок потянулся к пятну на куртке, но ребенок отшатнулся. – Мы отвезем его к себе. И родителям позвоним. Правда, Леопольд?

Следующий за ней по пятам тщедушный Леопольд затравленно закивал.

– Поехали, – скомандовал я пацану, незаметно показав врачу удостоверение. Тот вздохнул с облегчением. – Пока тебя не усыновили.

Он встрепнулся и вполне осмысленно посмотрел на меня, потом покосился на замершую в ожидании команду спасения, явно настроенную не бросать ребенка на произвол судьбы. Резво вскочил с лавки и послушно пошел за мной к машине. На переднее сидение влез молча. Застегнув ремень безопасности, воинственно заявил:

– Я Артур. И я не псих!

– А я не врач. Даже если ты псих.

– Ничего я не принимал! И не курил! И не колосся!

Я пожал плечами, прикинул время. Успеваем. На въезде на мост Артур немного расслабился, ерзать и озиаться по сторонам перестал. Тут-то до него и дошло.

– Куда мы едем?..

– Я в кафе, а ты – не знаю. Можешь подождать. Поем, подберу и подброшу, куда скажешь.

Он медленно кивнул и отвернулся к окну. Видимо, на любой вариант был согласен, раз вырвался из лап заботливой братии и в больницу не угодил. Не догадывался, что мне его отдали из-за давнего сотрудничества врачей с фондом по программам психологической поддержки. Дороги было на десять минут, и провели мы их в тишине, относительной. Артур пыхтел и старался оттереть пятно с куртки. Вряд ли оно ему мешало, просто нашел себе занятие.

С парковкой повезло – нашлось место рядом с неприметно-серым зданием, признать в котором кафе можно было лишь по вывеске с чашкой и долетающим вкусным запахом. Артур попробовал выбраться из машины, забыв отстегнуться. Маневр не удался. Пока он ковырялся с защелкой, я выставил на парковочном диске время приезда. Почти восемь утра. Со стоянки массово уезжал народ: жители квартала вскочили пораньше и спешили переставить машины в другую зону, прежде чем начнет действовать часовое ограничение на бесплатную парковку.

– А вы меня точно подвезете? – засомневался Артур. – Мне вообще-то далеко.

И выдал адрес в глуши другого кантона. Если живет там, то далеко от дома в такую рань оказался.

– Сначала – завтрак.

Ничего против завтрака он не имел и шмыгнул следом в звякнувшие колокольчиком двери. В практически пустом зале было по-сонному тихо: задернутые шторы, невнятно-желтый свет торшеров, на плетеных стульях – полосатые подушки. Хорошее место для разговоров по душам. Ланс сидел за угловым столиком, как и условились. Самая располагающая из улыбок, пышно начесанная седая борода, костюм на подтяжках. Единственная тарелка была полна пряничных звездочек, со спинки стула небрежно свисало меховое пальто. Ясно, в образе Санта-Клауса сегодня. Однажды под Рождество он им оделся и раскрутил остальных членов правления на стишок...

Я подошел к нему, он задумчивым движением протер краем рукава очки, вернул на переносицу. Пацан стушевался.

– Артур, это мой друг – Ланселот. Гвинева опаздывает, так что составим ему компанию.

– Ничего себе! Имя настоящее?.. – озадачился он. Почесал затылок и уставился на меня. – А вас как зовут?

А это теперь не важно. Из-за стойки приветливо махнула рукой пухлая официантка. Эмма, ее смена. Можно не торопиться, чай она заваривает долго.

– Мне как обычно, – кивнул я и бросил Лансу: – Перекур, подойду позже.

– Артур, ну что же вы стоите, присаживайтесь, – по-стариковски хрипло сказал он уже за моей спиной. – Имя, между прочим, настоящее. Мать моя, вы бы могли подумать, зачиты-

валась рыцарскими романами, но нет. Она всего лишь доверилась судьбе и наугад открыла энциклопедический справочник. Мне повезло, на соседней странице был Парцифаль...

С глухим звуком отодвинулся стул. Заинтересованное ответное «ага», хруст печенья. Процесс пошел. Ланс из него все вытащит, и безо всяких ментальных штучек. Наш главный психолог, те самые случаи вычисляет мгновенно.

Задний двор кафе был огорожен глухим забором, дверь с замком, код от которого Эмма вечно забывала, подпирали изрядно облысевший куст в каменном вазоне. Из пачки сигарет вытряхнулся узкий коробок спичек, с изображением трех факелов под кружком черной эмблемы. Остался с последней командировки в Бельгию. Погасшая спичка улетела в урну, после второй затяжки утро стало лучше. Сейчас мало что понятно. Оклемався Артур быстро, слегка заторможенный, но в целом вменяемый. Похоже не на последствия измененного сознания, а обыкновенную панику. Есть от чего – при нем только что умер друг. Что тот принимал, вскрытие покажет, а Хлоя в своих ощущениях пока разбирается плохо. Да и официально считается, что манипуляции с энергией смертельные исходы не дает. Обратное еще никто не доказал.

В урне стало окурком больше, завибрировал телефон. Еве не спится. Из трубки вырвались вздохи с причитаниями:

– Кошмар... Катастрофа! Я ума не приложу, как быть. Всю ночь себе места не находила, уснуть так и не смогла. У меня срыв, вот сто процентов. Никакое успокоительное не берет. Почему до подобного дошло? Наверное, я ужасная мать.

Опять дорогой племянник отличился.

– Что на этот раз?

– Он бросил учебу! Представляешь? Укатил с какой-то неизвестной рок-группой, оставил нелепую записку, что нашел свое призвание, и волноваться не надо. Угу, не надо! Столько денег вбухали в обучение, последний год оставался, а ему черт-те что в голову стукнуло... На звонки не отвечает, друзья якобы не в курсе, где он. Ты должен его найти.

Всех помню, кому что-то должен, и ее в этом списке не было.

– Допустим, найду. А дальше что?

– Поговори с ним, он к тебе прислушивается. Постоянно про тебя спрашивает, скучает...

Надо же, а я и не догадывался.

– Знаю, что ты занят, – всхлинула Ева. – Но пожалуйста, отодвинь свои планы. Пойми правильно. Я забочусь о будущем сына. Потому что его люблю! Элле бы меня поняла...

Конечно. Любовь. Звучит громко, и сразу можно делать что попало, оправдание-то есть. А Елена терпеть не могла, когда ее называли Элле. Но никого не поправляла – вдруг расстроится.

– Я посмотрю, чем можно помочь.

– Отлично, – тотчас закончились всхлипы. – Позвонишь, как появятся новости, да?

Звонок Ева сбросила, видимо, вопрос был риторическим. Убирать телефон я не стал, дело пустяковое. Поиски заняли целых десять минут. Чужие пристрастия к социальным сетям – как распахнутые настежь двери. Наглядно продемонстрировали, что племянник больше не студент юридического факультета престижного университета, куда его запихали родители, а барабанщик в группе «Букет бобров». Не такой уж неизвестной – на канале ютуба двести тысяч подписчиков, у солиста в инстаграме – почти миллион. Ребята в тренде, и автором многих песен значился наш оболтус. Я включил самую популярную – поначалу было неясно, телефон завис и пищит или так задумано. Оказалось, второе. Вот кому весь творческий талант в семье достался! Слава богу, что не мне. На свежих, щедро отлайканных фотографиях из ночного клуба потерявшийся родственник выглядел до неприличия счастливым, улыбка едва влезала в кадр. Группа отправилась в тур по Европе и сегодня давала концерт на родине, в Праге. Неда-

леко сбежал. На завтра в их расписании стояла Австрия. Тогда и позвоню любящей матери. Надо дать ее сыночку фору.

Времени прошло достаточно, чтобы Ланс успел все выяснить, а чай завариться. В кафе посветлело, за отдернутыми шторами, из-под толщи облаков, выглядывало солнце. Артур уплетал печенье за обе подсыхающие от слез щеки, запивая молочным коктейлем через пожеванную трубочку. Разговор шел о легендарной коллекции комиксов Ланса, которую тот держал прямо в кабинете. Сколько неокрепших умов уже на нее повелось... Я молча сел рядом, к чаю и сэндвичам с сыром. Вдвойне хорошо – и можно ничего не говорить, и завтрак. У обеда в расписании положение неустойчивое. С чем по жизни не складывается – так это с обедами и беседами по душам.

Артур стал менее дерганным. Спорил, какой супергерой круче, а прикончив печенье и недоверчиво ощупав дно тарелки, по-школьному отпросился в туалет и на пару минут оставил нас одних.

– Это наш случай, – воспользовался моментом Ланс.

Надо будет сообщить Хлое, что позвонила не зря.

– Точечное влияние на эмоции, – продолжил он. – В данном случае давили на страх. Артуру вдруг жутко страшными показались и попутчики, и ветки за окном, и даже билет в кармане. Никаких причин тому не было, и ранее с ним таких приступов не случалось. Пережил ли подобное Натан – его покойный лучший друг, непонятно. Артуру там не до него было, не сразу-то сообразил, что... Нужны данные по вскрытию.

– Будут.

– С мальчиком еще поработаю, есть у него ненужные подозрения. Как водится – необоснованные и невероятные. Подправим. – Ланс снял очки, тщательно протер. Напускная мягкость из взгляда исчезла, вместе с добродушной улыбкой. Вышел из роли. – Сложная ситуация в верхах в последнее время...

– Разберутся.

– Скоро начнут, – уверил он, вернув очки на переносицу. – Я о тебе беспокоюсь.

Начинается. Не надо ко мне в голову лезть, никаким из способов.

– Ты не мой опекун, – напомнил я, – уже семнадцать лет как.

– Далось тебе это твое совершеннолетие, – поморщился Ланс. – Имей в виду, скоро Маэва нагрянет с разговором.

Всегда приятно воспользоваться его же советом: при любой неудобной теме – просто пить чай. Особенно если чашка стоит перед тобой. Он усмехнулся, но ехидный изгиб мгновенно превратился в прежнюю добрейшую улыбку. Обратно мчался Артур. Как раз к новой порции печенья, принесенного Эммой.

– Пора, – я указал на часы и ожидаемо наткнулся на разочарованный взгляд Артура.

– Оставайся, – подмигнул ему Ланс. – Хочешь, покажу тебе свою коллекцию комиксов? Потом довезу до дома.

Тот закивал. Отлично. А мне действительно пора. И так задержался.

По плану выехать следовало ранним утром – машин поменьше, добраться можно без пробок. Но и сейчас обошлось. Трасса оказалась полупустой, ненадолго обступили горы. Дальше погрустнее – нелюбимый многими Монбланский тоннель с ограничением скорости. Монотонно длинный. Зато после – Италия и уступчивые, вежливо пропускающие вперед водители. Впрочем, сами при этом гонят как ненормальные. Рассекающие под двести километров в час лихачи здесь не редкость. Как на немецких автобанах... Хлоя ответила на сообщение через два часа, видимо, в перерыве между занятиями. На мое: «Подтвердилось», пришло облепленное смущенными смайлами: «Я завтра загляну в офис, расскажешь подробнее?». Заинтересовалась. Прогресс.

На горизонте замельтешили однообразные высотки, улицы оживились. Грязь, шум и китайские ресторанчики. Столица моды... В центре города прибавилось вычурных домов, потянулись вереницы бутиков и магазинов, по-старинному запетляли улочки. Брусчатка да куча машин. И любителей парковаться, экстремально расталкивая соседей. На парковке у приземистого здания с покатой крышей и колоннами все вели себя прилично, ровно посередине гордо стоял фиат 500 с заклеенным коричневым скотчем задним стеклом. Символ уже не тот.

За стойкой администратора две юные особы с бейджиками рассматривали какой-то журнал. Увидев меня, дернулись, стукнувшись лбами, и хором поздоровались. Журнал исчез. Новенькие, наверное. Или старые забыли, что такое порядок. Я пересек холл и поднялся на верхний этаж. Два поворота, сдержанный стук в отвечающую глянец дверь.

– Да? – раздалось обеспокоенное.

Я вошел. В кабинете был бардак – пять чашек с зарождающейся внутри жизнью, смятые бумаги, горстка деталей поверх наполовину собранного пазла. Энцо вскочил со стула, стряхнув парочку на пол, и выпалил:

– А я тебя со дня на день и ждал...

Неудивительно.

– Внимательно слушаю.

– Ну... – Он со вздохом опустился обратно на стул, я прикрыл за собой дверь. – Основное ты уже знаешь. Главный офис добрался с проверками и до нас, трясли всех прицельно, в каждую подконтрольную клинику заглянули, не ленились поднимать документы чуть ли не пятилетней давности. Итог – Мартина с поста главы филиала попросили, сегодня должен в отставку уйти.

Головы полетели еще летом, после инцидента в испанском филиале. Следом обнаружили нарушения в Румынии и Болгарии – аналогичные махинации с клиниками, такое недосмотром не назовешь. Помогла лишь полная смена руководства. Но Мартин Герра не из той шайки. Толковый мужик, на своем посту продержался тридцать лет, и ни в чем подозрительном замечен не был. Аргументы в отчете крайне неубедительные, доверия этому расследованию никакого.

– И ведь не нарыли на него ничего плохого, – сокрушенно выдал Энцо, – кроме моей персоны в сотрудниках.

– Твоя персона слишком отличилась.

– Я в прошлый раз тебе все объяснял!

Объяснял он... Сначала мутит в испанском филиале с Гусманом незаконные делишки, затем тихо сваливает в соседний. По благороднейшей причине, потому что рисковать надоело. Пока не прижали – ни слова. Сказал бы сразу, прикрыли бы эту лавочку два года назад. Нет же. А теперь сидит и делает вид, что недоразумение вышло.

– Вот мне ту историю и припомнили... А виноватым сделали Мартина. Будто он знал и меня прикрыл. Или не знал, тогда дурак некомпетентный.

Ну-ну. Вся Европа не знала, пока мордой по столу не повозили. Давайте всех массово уволим.

– Сегодня его последний день, передает дела преемнику. – Он потянулся к чашке, отпил. Надеюсь, все важное рассказать успел... – Дичь это. Я готов подтвердить, что Мартин был непричастен! Пусть с меня спрашивают еще раз, если уж вперлось, а он тут при чем?..

Совершенно ни при чем. И отчет на факты скуп, одни домыслы. Так себе обоснование для требования уйти в отставку.

– Получится все исправить? – не без надежды спросил Энцо. – Не поздно ведь...

– Выясню.

Мне в спину он выдохнул с облегчением. Или совесть проклюнулась, или новое руководство не нравится. Ставлю на второе. Хотя сложно найти сотрудников, которые бы Мартина

недолюбливали. Он много сделал для Совета, считай, у истоков фонда стоял, вместе с Леоном Дорманом. И такой финал карьеры. Нехорошо.

В коридоре ждала секретарь пока еще действующего главы итальянского филиала – полная дама средних лет с единственной седой прядью в старомодной прическе. За круглыми бифокальными очками прятались заплаканные глаза. Сколько она с ним работает, лет двадцать? Поправив идеально ровный воротник блузки, она поздоровалась и повела меня к Мартину. Его кабинет находился за поворотом. Опустевший – голые полки, квадраты снятых рамок на стенах, худые папки. Сам Мартин стоял у окна и аккуратно поливал единственный цветок в горшке.

– Здравствуй-здравствуй, – донесся обманчиво мягкий голос. Сгорбленная над цветком спина выпрямилась. – Заехал попрощаться?

– Эту так называемую отставку я согласовывать не буду. – Я плотно закрыл дверь. – Нужно повторное расследование.

– Спасибо, конечно... – Он обернулся. На дрогнувших губах была усмешка – не злая, не добрая. Снисходительная. – Но это лишнее.

Не лучшее начало.

Мартин неохотно оторвался от подоконника, кивнул на диван в углу. Раньше на журнальном столике были автомобильные журналы бог весть каких годов и стопка раритетных карточек, высота которой с каждым годом увеличивалась. И бессменная металлическая пепельница времен дремучей старины, напоминающая тазик. А теперь – свернутый в кривую трубочку файл. Негусто.

– Чай не предлагаю, все равно откажешься. – Мартин устало откинулся на спинку дивана. – Не нужно ничего расследовать.

– Я чего-то не знаю?

Приглушенно зазвонил на столе телефон. Выкрученный до минимума звук, тише только его отсутствие. Брать трубку Мартин явно не собирался.

– Сочтем за знак судьбы, – развел он руками. – Выгоняли бы с позором, стоило бы побороться... А так – намекнули, что на пенсию пора. И ведь вправду пора. Сколько можно? Дети не особо помнили, как я выгляжу, хоть внукам покажусь. А вы без меня вполне обойдетесь. Оскар парень умный и неплохо справляется.

Его недавний заместитель и протеже Маэвы. Собственно, преемник. Но сейчас не о нем речь.

– Прецедент создавать нельзя, – высказался я. – Чревато.

– Я сам ухажу, тот отчет им не понадобился. – Мартин приподнял седую бровь. – Дождись следующего.

Оптимистично. Впрочем, его дело. Помогать тем, кто сопротивляется, тоже своего рода насилие. Как бы многим ни хотелось думать обратное.

– Я вас понял. Прощайте, и удачи.

Он улыбнулся той улыбкой, что обычно предназначалась спонсорам и журналистам – пристальное внимание и в строгой дозировке отмеренная благодарность. Дежурное рукопожатие, и я оставил его на некогда любимом диване одного. Уже у двери прилетело:

– Участвовать в том, что будет дальше, я бы все равно не согласился.

Я кивнул и вышел. К гулу голосов, смирно ожидающей в приемной компании под надзором бдительного секретаря, и Оскару с фирменным оскалом. Вид новый глава филиала имел представительный и взволнованный.

– У нас какие-то проблемы? – выдал он вместо приветствия.

– Пока нет.

Оскал не дрогнул, напротив – стал шире. Молодец. Впрямь неплохо.

Во дворе успело потеплеть, фиат укоренился в статусе звезды парковки. Из-за забора его фотографировали две явно неместные девы, тыкая пальцем и хихикая. Выехать из Милана удалось нескоро. Пока ждал в пробке, отправил с телефона письмо знакомому из полиции, насчет отчета о вскрытии. До главного офиса добрался лишь к пяти часам. Обильно украшенной лепниной здание в центре Женева, с острым шпилем черепичной крыши и круглыми ажурными балконами, часто принимали за достопримечательность или какое-нибудь посольство. Приезжие тыкали на усеянный флагами фасад и пытались фотографироваться, вчитывались в золотистые буквы на сплошном белом заборе и мигом теряли интерес. Благотворительный фонд, пусть и международный, – это вам не штаб-квартира ООН. В инстаграме не оценят.

Крыльцо пестрело журналистами, съехавшимися на очередную конференцию по защите детей, уже не вспомню от чего. Второй вход, только для своих – на заднем дворе, безо всяких музейно нависающих колонн. Холл с двумя лифтами, единственными, у которых есть кнопка последнего этажа. Впрочем, и ко мне в дальнее крыло цокольного этажа посторонние не заходят. Слишком много раз надо свернуть не туда, да и табличка «Служба безопасности» на перлах же стеклянных дверях мало кого располагала продолжать прогулку.

Неприметный кабинет в углу, без таблички вовсе, десять лет как был моим. Регулярно приходится отклонять предложения перебраться наверх, к тем, кто занимается вовсе не делами фонда. Зачем? И здесь никто лишнего не узнает. За дверью ничего важного нет, ценного – тем более. Ланс придерживался мнения, что там вообще ничего нет. Ну, кроме, стандартного набора: кресло, стол, шкаф. А что еще нужно? Без гостевого кресла даже лучше. Быстрее уйдут.

Я подкрутил прикрытые жалюзи, помещение залил свет не только от монитора. С утра в почтовом ящике скопилось достаточно того, что требовалось просмотреть, а то и ответить. Было письмо из полиции с данными о вскрытии. Натан Берг пятнадцати лет отроду: никогда не принимал, не курил и не кололся. Сегодня утром скончался, не доехав пары остановок до школы. Сердечный приступ.

Вот же...

По глазам резануло, монитор отбликовал красным. Яркая, на мгновение поглотившая буквы вспышка. В дверь дробно постучали, на пороге нарисовался Колвен. При полном параде, небрит и важен. Породистое лицо портил вечно дергающийся кончик носа, отчего казалось, что он все время что-то вынюхивает.

– С тем назойливым блогером надо что-то делать, – прорезалось сквозь набирающий мощь звон. – Расписался... Без аргументов, но народ ведется.

– Твой отчет про итальянский филиал тоже он сочинял? Жаль, что ты не только совесть, но и мозги потерял. Пошел вон.

Колвен поперхнулся и вылетел за дверь, не успев войти.

Так...

Пауза. Глубокий вдох, выдох. Мысли – долой. Холод пустоты и спокойствие. Свет монитора стал ровным, обычным. Наконец-то тишина.

Есть дело, конкретное, и надо заняться им.

Судя по всему, замешаны эсперы – естественные причины не подтвердились. Хлоя засекла в автобусе что-то, по описанию похожее на выброс эмоций, Ланс определил влияние на Артура, вызвавшее паническую атаку и неизвестно что еще. Уже это повод для расследования, а тут все серьезнее. У Натана зафиксирован дикий предсмертный выброс адреналина и остановка сердца. Ответы на вопрос «как» и «почему» куда лучше искать после выяснения «кто».

Первый вариант – кто-то из местных. Кураторам ближайших окрестностей ушло общее, помеченное важным письмо. Отчитаются, чем их подопечные занимались в семь утра. Сразу отсекутся мирно спавшие дома и находящееся далеко от эпицентра событий. Второй вариант – приезжие. В Европу их приносит регулярно. Задумчиво прогрузив базу данных, ноутбук отобразил актуальный список гостей. Было лишь несколько – Гамбург, Вена, Рим, Париж, в

начале декабря мало кого тянет путешествовать. У нас не появлялись, но пусть в региональных филиалах проверяют их перемещения. Третий вариант – новые лица. Каждый месяц прибавляются, мгновенно не отследишь. Энергией только спустя полгода отсвечивать начинают, раньше находятся либо по обращениям в клиники, либо по сводкам новостей. Типичный случай: инициация, что-то там свербит, ой, всех рядом вдруг выкосило. Этот мог особенно отличиться. Разыскать его будет непросто, но редко кто катается на утренних автобусах случайно. Остановок там до конечной немного. Одна из них – его...

В дверь постучали – уверенно, по-хозяйски. Здесь без вариантов, кто. Дождавшись пригласительного «да», Маэва вошла. Отчеканив пару шагов каблуками, встала напротив и невозмутимо облокотилась о край стола. Отсутствие кресла ее никогда не смущало. Ее вообще ничего не смущало.

– Феликс, – заместитель главы Совета наклонилась ниже, на уровень монитора. Блеснула брошь на наглухо застегнутом пиджаке. Серебряная птица с широким размахом крыльев. И она явно не собиралась никуда улетать. – В следующий раз сам будешь Колвена успокаивать.

– Успокою, присылай. Недостаточно корпоративно, но действительно и надолго. Тебе не понравится.

Маэва тяжело вздохнула:

– Завал по всем фронтам. И ты не был на сегодняшнем собрании... Что-то случилось?

– Да.

Маэва выпрямилась, в перманентно спокойном взгляде мелькнула настороженность. Птица на броши определенно была хищной – иначе зачем ей такие когти.

– Засекли применение дара сверх нормы, – я оторвался от ноутбука.

– Ну, с этим ты разберешься.

Если отвлекать не будут.

Она сложила руки на груди. Обычный ее жест перед важными разговорами. Половину из своих сорока шести лет занимается тем, что убеждает других сделать все так, как надо ей. С тех пор как переехала в Женеву из Лондона, привезя любовь к формальностям и английскую сдержанность, с годами превратившуюся в невозмутимое хладнокровие.

– У нас своего рода юбилей, – светским тоном произнесла Маэва. – Год как Дорман фактически отошел от дел – не дозвониться стало, не достучаться. Теперь и на письма не отвечает. С каждым днем в его возвращение верится меньше.

Я пожал плечами. Не пробовал ему ни звонить, ни писать, ни тем более куда-то стучаться.

– Пока он пропадает неизвестно где, управлять фондом приходится мне, – продолжила она без тени недовольства. – Делать это все сложнее – не хватает полномочий. Без согласия главы фонда многое невозможно, а согласия спрашивать не у кого. Так больше продолжаться не может.

Выражаясь более конкретно – а не слить ли Дормана, раз уж он ушел в тень. Филиалы поддержат, об этом заранее позаботились.

– Давай признаем, – в ее голосе прибавилось настойчивости, – сейчас он не лучший руководитель. Я собираюсь вынести на рассмотрение вопрос о его отстранении.

Подготовилась. Выражается красиво. Причины правдоподобные нашла.

– Мне это неинтересно, – я открыл письмо из немецкого филиала. Приезжий никуда не отлучался.

– Члены правления, – усмехнулась Маэва, – все равно должны будут голосовать.

– Вот вынесешь, тогда и проголосуем.

– Колвену укажу обращаться к тебе исключительно в письменной форме. – Через секунду Маэва повернулась ко мне спиной, по-прежнему негибимо прямой. У дверей оглянулась и бросила через плечо: – Я хочу, как лучше.

Кому лучше?

Остаток вечера удалось спокойно поработать. Проверки пока ничего не дали – никто из известных нам эсперов в районе автобусной остановки не светился, подозрительных обращений в клиники не поступало. Отметать эти варианты было рано, нескольких ответов следовало подождать до завтра. Писем в ящик набилось уйма, в том числе и по работе фонда. Выискали мошенники, проводившие акцию от нашего имени. Нашли с коллегами из службы безопасности следы этих клоунов в интернете и сдали полиции. Пришел отчет из Люксембурга – выписали кому-то предупреждение за эксперименты с настроением теперь уже бывшей невесты. Когда он очнулся – из-за полученного нервного срыва та нехило приложила его половником. Предупреждение было не пятым, и мои комментарии не требовались. Колвен тоже прислал письмо – с единственной ссылкой на блог. Начинаящий журналист Михаэль Радос с громким ником Страшная Правда. Читал я его месяц назад. Писал про «других среди нас», спасайтесь кто может. Рядом с записями о крокодиле из канализации, покусавшем чью-то тещу за задницу, и похищениях коров инопланетянами смотрелось замечательно. Поводов для беспокойства ноль. Но сейчас...

Низкопробная дурь из блога исчезла, подписчиков и комментариев прибавилось. Статьи стали длиннее и обстоятельнее, без псевдосенсационных заголовков. Михаэль вещал про мозговые волны, прорывы астральных дыр и сверхлюдей, способных силой мысли всем этим управлять. Советовал ни в коем случае не смотреть им в глаза, а в критической ситуации хватать что-нибудь тяжелое. Уж не почитывала ли его люксембургская невеста? Прилагались репосты таинственных происшествий, лишь один из которых имел отношение к эсперам, остальные были притянуты за уши. Негусто для теории заговора. Куда сильнее напрягала некая Лиссакиса в друзьях, усыпанная лайками Михаэля. На фотографии с профиля было узнаваемое курносое лицо в веснушках. Детский психолог фонда – Лиссандра. Снимает квартиру вместе с ассистентом Колвена. Вот почему его так припекло... Надо выяснить, какая тут связь, и с чего Михаэля разобрано писать на подобные темы.

Статьи я перечитал внимательнее. Конкретики в них не было: расплывчатые догадки, но по сути верные. Читатели активно подкидывали ссылки и делились информацией, что уборщица в их торговом центре «точно ведьма» – безошибочно определяет, кто жвачку на подоконник налепил. Могла ли Лисса услышать что-то лишнее и этим поделиться? Например, небескорыстно – недавно аванс запросила за три месяца вперед и получила отказ, так что явно должна быть на мели. А теперь укатила в отпуск и выкладывала фотографии из пятизвездочных отелей жарких стран. Что ж, с такими вопросами разбираться нужно лично. Жил Михаэль недалеко – в Лозанне, и сегодня собирался на концерт в ночной клуб, чью афишу разместил у себя целых три раза. Подойдет.

Было десять вечера, в коридорах офиса – тишина. От прошедшей конференции остались только листовки на стендах и обмякший воздушный шар под потолком, с логотипом фонда. Сдулся немного «Идеальный мир». На парковке никого, улицы полупустые. Подсвеченное фонарями озеро пестро отражало неоновые вывески, пока те не закончились. Дорога вдоль берега заняла меньше часа. Однотипная картина: силуэты холмов, рваные линии лысых кустов, мелькание фар и серого бортика трассы. Наконец они сменились оранжевыми огнями города, начали угадываться знакомые места. Пути метро на эстакадах, крутые спуски и подъемы улиц, массив университета вдали. Там мы с Еленой и познакомились, в библиотеке кантона.

Меня туда занесло в поисках диссертации Ланса, а она училась на факультете детской психологии и именно в тот день утатила последний экземпляр, имеющийся в открытом доступе. Пятнадцать лет назад электронной копии еще не было, возвращаться в Женеву ни с чем не хотелось. Это я убедительно и объяснил найденной в читальном зале хорошенькой девушке в вязаном длинном свитере. Она смутилась, выронила спрятанное под стол яблоко, которое в библиотеке грызть запрещалось, и попыталась отдать мне и его, и диссертацию. Из-за перегородки неожиданно высунулась встрепанная голова, хриплым голосом рассказала мне,

куда я могу отправиться со своими претензиями, и строго напомнила Елене – быть тряпкой нехорошо, особенно когда горит курсовая по редким формам психологических расстройств. Сдавать нужно завтра, тема дико сложная, и единственный доступный источник информации здесь. Та покраснела до слез, но упорно совала мне в руки потрепанную папку, бормоча, что это ерунда, успеет, вся ночь впереди. Пришлось отнекиваться, да еще и уговаривать ее не беспокоиться, писать спокойно дальше. Как выяснилось, не беспокоиться она не умела, максимум, чего удалось тогда добиться – поработать вместе. Кстати, из ее курсовой я потом понял гораздо больше, чем из самой диссертации – обилие терминов и сугубо научных описаний требовали перевода на человеческий язык, раз уж Ланс вздумал партизанить. Неуютно было совсем не помнить, что со мной происходило с восьми до одиннадцати лет. Пробел в памяти причины имел понятные, но интересовали подробности... Опекун на вопросы не отвечал, лишь один раз бросил опрометчиво – отстань, я по твоему случаю докторскую написал, добавить нечего. Вряд ли он всерьез допускал мысль, что однажды я ее разыщу.

Зачем мне понадобилась та диссертация, Елена и сама догадалась, об остальном я рассказал через два года. Официальную версию. Незадолго до свадьбы. Так было честно. О подобных вещах следует предупреждать.

Припарковаться удалось у моста. Вниз спускал лифт, я предпочел лестницу. В какие-то незапамятные времена тут протекала река, теперь в ее устье было полно магазинов, ресторанов и ночных клубов. Нужный мерцал вывеской на перекрестке, концерт шел уже полчаса, очередь перед входом если и была, то благополучно рассосалась. Внутри из последних сил держался пронзаемый яркой подсветкой полумрак, со сцены лились басы вперемешку со звуками скрипки, облаченная в черную простыню солистка брала невообразимую ноту, народ заворуженно внимал, снимая на телефоны. В инстаграме Михаэля пять минут назад появилась плохо сфокусированная фотография пирамиды из бокалов на заставленной разнокалиберными бутылками стойке. По всем приметам – бар. Кажется, музыка не очень его интересует. Стойка с такими же бутылками обнаружилась в конце коридора, на выходе из зала. В баре было светлее и тише, субтильная фигура в красных кожаных штанах бросалась в глаза. Михаэль опирался о стойку, что-то бормоча, и вертел в руках бокал. Не первый, видимо. Рядом утомленно вздыхал мужик с заплетенной в косу бородой.

– ...стерва гребаная, – глубокомысленно закончил блогер.

– Хватит ныть, пойдем. Ребята заждались.

– Ты видел, а? Видел?..

– Слушай, хочешь торчать здесь – ради бога, – потерял терпение бородатый, – а я пошел.

И так половину концерта пропустил.

– Да было бы что пропускать! – Михаэль проводил его обиженным взглядом, скривился. – Дерьмо.

Я сел к нему на том расстоянии, когда рядом, но в то же время отдельно. Любитель паранормальных ощущений опустошил бокал, потребовал повторить. Бармен плеснул до краев и убирать далеко бутылку не стал.

– Так себе они сегодня играют, – сказал я задумчиво, будто сам себе.

– Да! – Михаэль мигом высунул нос из вновь опустевшего бокала. – А эта... орет. Словно кошке на хвост наступили, ей-богу.

– Живописное сравнение.

– Работа такая... – вальяжно протянул он и придвинулся ближе. Умиротворенный вздох перегара намекнул – и бутылка была не первой. – Хоть у кого-то тут с ушами все в порядке! За это стоит выпить!

Вскоре перед нами оказалось два бокала какого-то местного фирменного пойла. В меню было подписано просто «сюрприз». Михаэль с ходу влил в себя половину, я свой отставил. Не люблю сюрпризы.

– Хорошо хоть за билет платить не пришлось. Позвали, с условием обзор потом написать, – он пьяно хохотнул: – Я им напишу... Про кошку!

– И что, хорошо платят?

– Вполне! – кивнул Михаэль и грустно уставился в бокал. – Но все же недостаточно, чтобы такое слушать.

Информация о трудовых буднях начинающего журналиста хлынула потоком. Бесполезная, но с чего-то начинать было надо. Из производственной исповеди с явками, паролями и вкраплениями неразборчивого сопения представляло интерес только упоминание, что путь к успеху – найти свою тему. Я молча кивал, говорить и не требовалось.

– Да, неплохо я, в общем, устроился, – похвастался Михаэль, и тут же уныло добавил: – А этой стерве мало оказалось... Я ее так любил, а она... Вот, полюбуйся! – Он полез за телефоном. Три минуты сосредоточенного копания в кармане, и мне предъявили дисплей. Лисса в гамаке, с мороженым и счастливой улыбкой. Свежая фотография из отпуска. – Подцепила какого-то мажора, укатила с ним отдыхать... Фотки эти постит и постит без конца. Дрянь!

И добавил пару выражений, по которым любовь чувствовалась особенно.

– На работе, наверное, познакомилась, – предположил я.

– Хрен знает, – булькнул Михаэль, – где она работает. Что-то с детьми. В школе, может быть...

– Учительница?

– Да я ее только на прошлой неделе клеил, – отмахнулся он и чуть не упал. – В комментах. Но это любовь. Вот точно. Ничего... Скоро все изменится. Есть у меня проект... Такой проект – ух! Рейтинги – во! Скоро деньжищи повалят. Сама прибежит.

Наконец-то. Концерт подходил к концу, в любой момент могли явиться его друзья и уволочь домой отсыпаться.

– Собственный проект?

– Блог, – выдавил Михаэль, с трудом вспомнив нужное слово. – Топовый! Об энергуюх. Много терминов слышал, но такое в первый раз.

– Это типа черти с суперпавером, – пояснил он и таинственно добавил: – Бу!

– Серьезно?

– Более чем, – блогер размашисто кивнул, чуть не слетев со стула. – Берешь людей Икс, суперменов, вампиров за компанию, в правдоподобную обработку, и готово. Верят! Все верят. А она – нет. Говорит – чушь и бред, такого не бывает. У меня сколько читателей отродясь не было. За рекламу бешено щелкает. Классно придумал? Вот! Главное – фан-та-зия!

Он возвел палец вверх и стек на стойку. В зале стихла и музыка, и аплодисменты. Я заглянул в его телефон. Десяток отправленных сообщений Лиссе с чередующимися признаниями в любви и затейливыми ругательствами, все без ответа. Похоже на правду. И ничего подозрительного. Обычная практика: девять случаев из десяти – мимо.

Михаэль встрепенулся, повертел головой и попытался поудобнее улечься на стойке. Друзья его объявляться не спешили, клуб пустел. Я вывел топового блогера на улицу, пихнул в первое попавшееся такси, сказав адрес, – все равно он не вспомнит, что называл его не сам.

Сзади смущенно хихикнули. Обернулся – клубная дева, обсыпанная блестками. Глаза ее смотрели куда-то внутрь, словно там было нечто интересное. Видимо, спиртное.

– А вы... – робко произнесла она, – альбинос, да?

Первая на сегодня.

– Да, – подтвердил я.

– А у вас... – озадачилась дева, – разве глаза не должны быть красные?

– Должны. Просто еще не созрели. У нас, кроликов, позднее созревание.

– Ага, – она застыла, что-то мучительно обдумывая.

Я вернулся на мост, в машину. Времени было почти час ночи. Пора спать, иначе есть все шансы начать соответствовать ожиданиям.

Обратно проскочил быстрее – по автомагистрали, в объезд Женевы, напрямик к французской границе. Срезая по не самому популярному маршруту, главное, не пропустить, как на фоне гор начинают уплотняться жилые дома, приближая нужный поворот. Маленький городок и так был спокойным, а сейчас будто вымер. Я припарковался во дворе здания, которое считалось здесь многоэтажкой – целый десяток квартир. С краю, под самой крышей, в окнах горел свет. В моих окнах, между прочим. Все бы ничего... Порой бывает даже приятно, что кто-то ждет. Если не живешь один.

Я поднялся по лестнице, замер у двери. За ней позвякивало, приглушенно доносился мелодичный свист. Ясно. Поворот ключа, шаг в коридор. В бок ткнулось что-то холодное.

– Стоять, бояться!

– Когда-нибудь доиграешься...

– Ха-ха! – Анита чмокнула меня в щеку и помахала ложкой. – Далеко поселился в этот раз. Но я все равно нашла!

– А надо было прятаться? – уточнил я. Запер дверь, подергал ручку. – А хозяйева говорили, хороший замок...

– Очень даже хороший замок, – гордо выпрямилась она.

Неисправима. С кухонного угла тянуло чем-то вкусным, мигом вспомнился пропущенный обед. Анита показала язык, одернула кружевную юбку, напоминающую абажур для торшера, и босиком прошлепала на кухню. Я присоединился через несколько минут. Нежданная гостья металась, то звеня тарелками, то нарезаая хлеб. Розовая прядь покачивалась в такт насвистываемой мелодии, в духовке разогревалось мясо. Все-то успела. Утром в холодильнике ничего подобного не было.

– Поздно ты, с вечера жду. – Анита набросила на стол полотенце вместо скатерти, подвинула табуретку к стулу. – Ладно, зато завтра как обычно не поднимаешь: «Хватит спать, уже шесть утра...»

– Смотря, чем накормишь.

Она выудила из шкафа две разнокалиберные тарелки и удрученно сообщила:

– Тут всего одна вилка.

– Запасная в нижнем ящике.

Полезла в него тут же, присвистнула:

– Вау, и запасная ложка есть! Шикуюм. Минут через пять будет готово.

Я отошел к окну, приоткрыл форточку. В коробке стало на одну спичку меньше, на улицу полетело кольцо дыма. Анита укоризненно посмотрела на сигарету и вздохнула:

– Опять?

– Не опять, а снова.

– В прошлый раз проспорил! Впрочем... – Она обвела грустным взглядом единственную комнату со скупым минимумом мебели от хозяев. – Как я могу привезти кота в столь ужасные условия?

– Совершенно никак, – согласился я.

Анита уселась на стул, нетерпеливо покосилась на духовку. Таймер был к гипнозу невосприимчив.

– Это какая квартира за год? Теперь вообще в такую дыру забрался! Дай угадаю... В Швейцарии риелторы тебя запомнили и больше ничего не сдают? – Она поводила вилок по пустой тарелке, подняла на меня глаза. – А как насчет вернуться домой?

– Не хочу.

Все равно там никого нет.

– Тебе не кажется... – осторожно спросила Анита, – что пора уже что-то решать?

Затяжка, вдох. Пауза, выдох.

– Когда никакой проблемы нет, то и решать нечего.

Она повела плечом, уставилась в мой телефон на столе. Прицельно щелкнула по кнопке «плей» на экране блокировки, врубилась прослушанная последней песня «Букета бобров». Надрывно заорало: «Я не могу перевернуться... совсем никак... я как блинчик, прилипший ко дну жизни...»

– Ни фиги ж себе, – ошеломленно протянула Анита, – ты это слушаешь?!

– Не только. Потанцуем?

– Нет, что ты, кури, не отвлекайся, – пробормотала она, убирая звук и пряча телефон под скатерть.

Пикнул таймер духовки. Анита вытащила оттуда румяную индейку, погребла ее под копной разнокалиберной травы и гордо бухнула на стол. Это чудовище из магазина или из ресторана напротив? Ужин сопровождался рассказом о тяжелых буднях русского филиала и очередном идиотизме Шульца. Вот кого бы действительно следовало поменять, пока окончательно бардак не развел. Нажаловавшись, Анита повеселела, убрала тарелки и достала из холодильника торт с шапкой взбитых сливок. Сорвав крышку, подцепила ложкой сколько влезло, и отправила в рот. Точно пора спать.

– М-м-м, – она демонстративно облизала ложку. – Здесь через дорогу изумительная кондитерская. Рай! Каждый день бы закупалась. И чем тебе сладкое не угодило?

– Оно невкусное.

– Ты просто раньше не встречал такой обалденный торт. Честно-честно. Попро-о-обуй! Вдруг этот – исключение.

– Слабо верится.

– Исключения бывают везде!

– И от них все зло.

Анита отмахнулась и быстро заработала ложкой, словно боялась, что я вдруг передумаю и полюблю сладкое. Ополовинив торт, она сыто улыбнулась и украдкой потерла висок. Рано с постельного режима выпустили.

– Ложись, – скомандовал я. – Диван весь твой.

– Мне уже лучше, – Анита отвела глаза. – Хорошо, что тогда не получилось...

До сих пор переживает. Но иначе было нельзя. Даже если бы мы знали заранее – это бы ничего не изменило. И она это понимает.

Под скатертью завибрировал телефон. Звонок, от координатора клиник. Что-то важное, раз среди ночи.

– Максимова очнулась, – выпалил он. Этот день определенно не хочет заканчиваться. – Вменяемая. Что делать?

Спать. Остальное – завтра.

– Пока стандартно. Утром приеду.

Анита возмущенно подняла бровь, я положил трубку и констатировал:

– Вовремя ты прилетела.

Глава 3

Лейка

К выходным снега выпало еще больше. На улицах, по обе стороны от дорог и свежепротопанных тропинок, высились сугробы. Артем с Ариной налепили во дворе армию снеговиков, утащив из холодильника полкило морковки. В обед поднялся страшный ветер, стало не до прогулок. За окном рябило снежное крошево, о Соне не было никаких новостей. Я с трудом удерживалась от звонка Аните... Во-первых, прошло всего два дня. Время в нижнем Потоке течет иначе, и местное «скоро» отличается от нашего. Во-вторых, Тео может не сдерживать обещание. Да и что я скажу Аните? Если Соня не очнулась, вопросы задавать бессмысленно, если очнулась – моя осведомленность будет подозрительной. Вся пятерка числится во врагах, о нашей связи лучше помалкивать. К тому же звонками на Совет не повлиять. Захотят – сами сообщат, не захотят – ничего не поделаешь. Я даже не знаю, где она... Но слишком далеко, чтобы высмотреть ее по энергетическому следу. Остается одно – успокоиться и ждать.

Получалось скверно. Никогда не была такой рассеянной, чтобы забыть поставить пирог в разогретую духовку. Через час прибежала вытаскивать, опасаясь, что уже сгорел, и заметила. Стыдоба! То и дело прокручивался в голове недавний разговор с Базилем. Кама... Девушка, которая пять тысяч лет назад нашла путь в глубокий Лектум, и из-за этого погибла, разозлив Поток и утянув за собой множество одаренных, кроме шести сумевших одолеть Вестника. Ответ скрыт в прошлом, и его кусочки в моем распоряжении. Но что бы во мне ни говорило, как бы меня ни называли, Эсте – не я. Плевать, что энергия у нас одна. Я – это я. И точка.

С осени тянуло разыскать Хранителя и расспросить. О ней, тех событиях, и о том, кто он, черт возьми, такой. Сделать это я так и не рискнула. Ему очень не хотелось, чтобы я выясняла правду о себе. Пусть считает, что не выяснила.

Пирог наконец подрумянился, наполнив кухню запахом выпечки и пряностей, истошно заорал телефон. Неужели?... Я кинулась к трубке, и лишь потом сообразила, какая доносится мелодия. Влад...

– Знаешь, – выдал он, – со мной что-то не так.

– Конечно, не так, – подтвердила я. – Ты бутерброды ешь с колбасой, которой в три раза больше, чем хлеба.

– Я серьезно! Эта фигня мельтешит странно... или светится. – В его голосе слышались болезненно усталые нотки. – Подобное уже было, но не настолько ярко, я и не парился. А сейчас – аж слепит.

Дообщался с Хранителем! По идее, помимо энергии ничего мельтешить и слепить не может. Остальное по телефону не определишь.

– Выезжаю!

Я сбросила звонок и вызвала такси. Нельзя было терять ни секунды. Все обычные люди, которых Хранитель одаривал силой непонятного характера, заканчивали плохо. Загадка – как именно, и почему. Возможно, в архиве Совета есть информация на этот счет, но кто меня туда пустит?

Перепоручив пирог Арине, я плотно закуталась в дубленку и вышла в метель. В лицо ударил холодный ветер, за шиворот посыпались колючки снега. Почти на ощупь добралась до расчищенного участка за воротами, куда подъехало такси. Дворники отчаянно возили по стеклу, дорога была невыносимо длинной. До подъезда я добиралась по сугробам, черпая сапогами мокрый снег. Нашупав в кармане запасные ключи от квартиры, которую сдавала уже лет

десять, я с нажимом позвонила в дверь. Не успела даже к шагам прислушаться, как она открылась. Влад выглядел бледно, отсвечивая нездоровой усталостью и практически осязаемой тревогой. Похоже, мне позвонил далеко не сразу. Его энергия пестрела странными сгустками, отражающими что-то извне. Мощное. Будто перехваченные отголоски чужого, вполне человеческого импульса.

– Рассказывай! – Я сбросила верхнюю одежду и сапоги. – Голова болит? В ушах гул есть? А ощущение, что воздух давит?

– Разве что немного, – улыбнулся он, запустив пальцы в и без того взъерошенную шевелюру. Я перехватила и сжала его ладонь, стараясь почувствовать эти сгустки отчетливее. Обожгло смущением, Влад рывком убрал руку за спину. – Ну, брось, оно терпимо. Вот при температуре тридцать семь и два...

– О, я и не говорила, что ты при смерти. Давно это у тебя?

– С самого начала, как... согласился. Словно где-то периодически свет включается и ненавязчиво светит издалека. Потом гаснет. Это нормально? У всего ведь своя цена.

Вспомнил вдруг! С удовольствием по лбу треснула бы. Но обидится – с героями же так неуважительно не обращаются.

– А сегодня этот свет ярче обычного? – уточнила я.

– Не то слово! – Влад измученно прищурился. – И другой он. Просто другой. Первый слабый, вроде ночника. А этот на полную катушку шпарит. Что за ерунда?

– Отпечатки энергетические. Я их вижу постоянно, твой в том числе. А что видишь ты? Или кого?..

Он раскрыл рот и нетерпеливо, тоном круглого отличника спросил:

– Бессмертных гадов?

Именно. Кто-то из них занял чужое тело, хозяина которого попросту сожрали. И кто-то еще рядом минимум три месяца ползает, но аккуратно. Черт! Артема уже ищут... А я сижу и чего-то жду! Чего? Когда за ним придут?.. Будет поздно!

– Выходит, ты видишь, где их искать?

Влад неуверенно кивнул. Да уж... Поиск по отпечатку – сложнее упражнения с энергией не придумаешь. Я не один год училась. Но ему след отсвечивает единственный, причем прицельно, будто на него специально настроились. Справимся.

Я сварила кофе в кастрюльке – на этот раз нашелся молотый, заставила Влада выпить две чашки. Он стойко делал невозмутимое лицо и тайком морщился от каждого громкого звука. Знакомо... При большом расходе собственной энергии слабость гарантирована. Влад не столько видит, сколько чувствует, и тратит на это прилично сил. Черт побери, как работает их связь с Хранителем? Можно ли ее прервать – по желанию Влада или без, навсегда или хотя бы на время? Скоро вся бессмертная компания активизируется, и ему грозит энергетическое истощение, а то и что похуже!

– Сосредоточься, – велела я. – Тот отпечаток, в какой он стороне?

Влад указал на север. Сойдет для начала. Назвать точный адрес никто не способен, а вот идти на след – легко.

– Далеко?

– А как понять?

Проблема. Примеров других отпечатков у него нет, чтобы сравнить.

– Поедем в этом направлении. – Я взялась за телефон, набирая номер такси. – По дороге попытаешься оценить, насколько четким становится след.

– Ты что?.. – На меня уставились округленные глаза. – Хочешь поехать... к нему?!

– Он вселился совсем недавно, раз раньше ты его не видел. Подозреваю, должен быть еще слаб, от неподвижного годами тела многого ждать не приходится. Оклемается – нам будет сложнее. Лучше уж сразу... разобраться.

– Наверное, ты права, – Влад глубоко вдохнул. – Пока он тупит и тормозит, шансов с ним справиться побольше. Нельзя дать им добраться до Артема.

Я выронила телефон. Глухой, пробирающий до дрожи стук об стол, оборвавшиеся гудки. И названное имя обрывочным эхом в ушах.

– Ты знаешь?!

Он пожал плечами, шелкнул пальцем по пустой чашке. Та чуть подвинулась вперед. Затем еще, и еще.

– Догадался... Еще осенью, когда ты про Вестников рассказала. Артем всегда был странный... даже для вемов. И фокусы эти его с мухами, которые на подлете дохли. Не помню, чтобы вы подобное умели.

Конспиратор из меня...

– Я никому не скажу, – сказал Влад, прекратив наконец толкать несчастную чашку к краю стола. – И никто от меня не узнает... другим способом. Хранитель бдит! Итак, найдем гостя, и что?

– Ты можешь нейтрализовать их силу. Как тогда, в моем дворе. Помнишь, ты всех людей, находящихся под внушением, мигом привел в чувство...

– Хорошо, а дальше? Ты уверена, что справишься? – В нем заплескались сомнения. – Это опасно, вот так, вдвоем! Не то чтобы я боялся, но... Может, еще кого-нибудь позовем? Киру, например. Год назад она к Вениамину ломанулась, намереваясь вроде как застрелить. Тоже план, особенно если у нее до сих пор есть чем!

– Без Киры, – отмела я, – и с ее уровнем дара она сильно рискует.

– Разве он не подросток?

Все-то Артем заметил и доложил!

– Не настолько. Прошлой осенью Хранитель таких с десятков подчинил, перекинув в Поток... Значит, и любой из пятерки сможет.

– А Совет? Это ведь по их части.

– Ну нет, – меня передернуло. – Они любители задавать неудобные вопросы. И выяснят про твои способности, еще к себе работать позовут...

– Так уже, – стушевался Влад. – В смысле, звали. Весной. Как я понял, у них все осведомленные о вемах люди при деле. Не пропадать же добру! Не-не, я отказался. Лучше порисую... И вообще, хватит болтать! Вызывай такси. Поехали!

Водителю я наобум назвала адрес на севере Москвы, и всю дорогу наблюдала за Владом. Он щурил один глаз и напряженно всматривался куда-то вдаль. Вскоре наклонился к самому моему уху и шепнул:

– Он ближе, но какой-то... не такой.

– Конкретнее.

– Раньше был похож на плотный шарик, а теперь рассеянный свет, что ли.

Странно. Остаточный след? Гость из нижнего Потока не обязан круглые сутки сидеть в занятом теле. Мог прыгнуть домой... Но вернется обязательно, раз вселился. Как рассказывала Соня, процесс сложный, требует массу концентрации, и любая ошибка подобна смерти. Соня... Нет, не раскисать! Есть дело, и важное. Если наша цель не в реальном мире сейчас, нам же проще. Надо просто избавиться от... тела. Но как?... Думать об этом не хотелось. В любом случае тот человек давно мертв, осталась лишь оболочка, которую варварски используют. Вот только это нисколько не утешало...

Машина притормозила у названного дома, Влад поерзал на сидении и сообщил, что хоть отпечаток и стал еще ближе, по-прежнему не рядом. Пришлось назвать другой адрес – в указанном им направлении. Таксист удивился, но порулил дальше. Во второй раз его удивление было сильнее, в третий он решил, что мы перебрали, и никак не можем вспомнить, куда нам надо. Стемнело, по пути к очередной остановке Влад вдруг выдал долгожданный диагноз: «Где-

то здесь». Таксист высадил нас на запорошенном перекрестке и, мстительно содрав больше, чем положено, радостно отчалил.

Метель усилилась, тусклый свет фонарей и карта в телефоне Влада помогали мало, ориентироваться приходилось интуитивно. Озвученное «где-то» растянулось на пару километров. Яркая энергия на всю округу отсвечивала одна – странная, смешанная, действительно какая-то рассеянная и подозрительно знакомая. Стоило подойти к углу нужного дома, до меня дошло – конечно, энергия знакомая! Практически родная!

Мое приближение заметили раньше. Дверь подъезда распахнулась, в занесенный сугробами двор вылетел Паша. Горячей волной почти смело, к вискам прилила кровь. Метель ему была нипочем, даже плащ не до конца застегнул...

– А ты тут какими судьбами? – жестко осведомился он. Я замерла. В лицо ударил снег, оцарапав щеку. – И какого черта ты пришла сюда одна?!

– Не одна! – возразила я.

Влад независимо покосился на подъезд.

– О, ну да, – ухмыльнулся Паша. – Так впечатлен, что не сразу заметил.

Тот демонстративно фыркнул.

– Между прочим, он единственный, кто может помочь с ними справиться, – напомнила я.

– Слава богу, справляться уже не с кем, – объявил Паша, вогнав меня в ступор. Что произошло, пока мы ехали?.. Как он здесь оказался вообще?! – Если ты не узнала, то это дом Дениса.

Точно... Мгновенно показались знакомыми и доска объявлений, и заснеженные качели. Денис – его друг. То есть, был максимально близок к тому, кого обычно называют другом. Пять лет назад попал в ловушку, со всеми известными последствиями.

– Его мать позвонила, – он посмотрел вверх, на тусклый свет в окне четвертого этажа. – Сказала, пришел в себя. Испугалась, врачи обещали быть нескоро. Когда я приехал, он был уже мертв. Подозреваю, сердце не выдержало.

– А энергия? – Я всмотрелась в окна верхнего этажа, откуда пылали ядовитые рассеянные сгустки.

– Хочешь, поднимись. Там еще сильнее чувствуется.

Воздержусь... Значит, вселение не удалось – тело подвело. Их энергия слишком мощная для ослабленного человека. Не все попытки должны быть удачными. Кому-то из пятерых не повезло.

– Итак, зачем ты сюда примчалась своей бравой командой? – настойчиво повторил Паша. – На месте решила разобраться? Тебя Кира покусала? Предупредить не догадалась?

– Не думаю, что ты имеешь право меня за что-либо отчитывать, – отчеканила я, – учитывая, что за последние два месяца не сказал мне ни слова!

Снег закружился сильнее, а бросило в жар. Ярость до меня долетела во всех смыслах обжигающая...

– Э-э-э... – чуть менее независимо протянул Влад. – Это самое, раз проблема решилась, пойду-ка я домой.

И ушел. А я осталась. Убегай, не убегай – эта проблема сама не решится. Только копится все, как снежный ком. Однажды придавит...

– Садись, – Паша кивнул на покрытую снегом машину у подъезда, – нечего на холоде стоять.

Да, нечего. Не хватало еще простудиться.

В салоне было тепло. Я расстегнула дубленку и откинулась на спинку сидения. Куда мы едем, без разницы... За окном мело, видимость порой стремилась к нулю. Казалось, весь мир заволокло обманчиво белой пеленой. Напускное спокойствие давалось тяжело, особенно на поворотах. Наверняка новости пестрят сообщениями об авариях...

Наконец, машина притормозила под крышей мерцающего жизнерадостными огнями ресторана. Подсвеченные ступени увели вниз, в полупустой уютный подвальный с нарочито домашней мебелью. Я вцепилась в выданный гардеробщицей номерок и в сумку его убрала лишь за столиком, удачно скрытым от посторонних глаз пушистой, увешанной блестящими шарами и игрушками елкой. На потолке лениво мигала гирлянда, с люстр свисали еловые лапы с шишками и серебристыми колокольчиками. Праздники на носу...

Молчание тянулось долго. Кофе заканчивался, в Пашином стакане с минералкой таял лед, насыпанный столь щедро, словно снаружи был не замерзший город, а пляж. Слов не было. Видимо, кончились все тогда, в нашу последнюю встречу. Я хотела правды, и я ее получила. Не скажу, что она меня удивила. Давно догадывалась, что Соня не по своей воле в Нижнем Потоке застряла – Паша помог. Ну а я... Долгие годы была рядом с ними обоими, не замечая, что творится перед моим носом.

Стукнул о стол стакан, я вздрогнула.

– Это было чересчур рискованно, – сказали хмуро, – заявиться туда вот так.

– Ты тоже один приехал.

Он снисходительно усмехнулся. Ну да, ему можно! Всегда открытым текстом говорил мне, что в плане дара я сильно «отстала от поезда». Миры в одиночку не активирую, блоки с чужих подсознаний не снимаю. Впрочем, Паша знал, в каком состоянии «Денис», прежде чем сунуться в квартиру. Я же ехала наугад.

– Не предупредила, потому что не была уверена, – ответила я честно, – что оно тебе надо.

Паша повозил стакан по столу, звякнули льдинки.

– Лейка, что за чушь? Мне казалось, мы это уже прошли.

Я уткнулась в чашку. Черный, идеально ровный круг кофе раздвоился на фоне белоснежной скатерти. Лишь на мгновение. Потом все снова стало нормально.

– Я прочитала книгу. Нового там не было. Зачем ты ее прислал?

– На всякий случай. Я тоже прочел, интересного не нашел. Но мало ли, ты ведь у нас нынче осведомленнее.

Верно... Он многого не знает. Слишком многого, чтобы суметь понять. Я провела по ободку чашки кончиками пальцев, тщетно стараясь впитать ее тепло, и спросила:

– Ты веришь в прошлые жизни?

Паша выразительно изогнул бровь, будто подобное ожидал услышать меньше всего на свете. Вероятно, так оно и было.

– Здесь все просто, – все-таки не растерялся он. – Не помню, значит, не было.

И я бы не поверила, если бы не лавина эпизодов из ее жизни.

– Их было шестеро сначала, – я сделала маленький глоток, горечь приятно растеклась на языке, – переселившихся в Поток после убийства Нири, второго Вестника. Но шестая пробыла с ними недолго... Помнишь, я пыталась выяснить про нее?

– Конечно. Разве это не Хранитель?

– Я тоже так думала, – невольно улыбнулась я. – Но нет. Это не он. Это я.

Паша проглотил воду вместе со льдинками, отставил стакан подальше. Ну... Жаловался ведь, что мало что способно удивить! Пожалуйста. Заберите, распишитесь.

– Ее звали Эсте, – продолжила я. – Она ушла от них сама, чтобы однажды родиться снова. Вот и... через пять тысяч лет. Общая у нас только энергия, но этого хватает, чтобы граница признавала и открывалась. Ставили ее вшестером.

– Поэтому она нам тогда открылась...

– Да. Никаких совпадений. Мне достаточно просто рядом постоять.

Он шумно выдохнул, залпом допил воду. Я добавила:

– Ритуал – и есть вселение в чужое тело. Каждый раз они рискуют раствориться в похищенной личности. Знак нужен, чтобы не потерять себя. Рисуют, каждый свой, и вспоминают,

кто они на самом деле. Другого смысла в тех закорючках не заложено. Ее знак на мне работает прекрасно... Столько насмотрелась.

Все. Рассказала. Больше секретов нет. Паша придвинулся ближе, попросил:

– Покажи.

И взял меня за руку. Я замешкалась. Воспоминание Эсте показать? В теории, это возможно. Наверное... Раз собственные при желании передаются легко. Только тут конкретное не выберешь, и не такие уж они мои. Но попробовать стоит.

Он требовательно сжал мою ладонь, я вновь мысленно воспроизвела уже ставшую родной волну, а вокруг нее – недорисованный круг.

...запах костра, плотно закрытые глаза. Подглядывать было бы нечестно. Пусть идет как заведено. Мерно стучат барабаны, людей позади – тьма, чувствую каждого. Но не до них. Будто мы вдвоем. Сжатая им ладонь, шепот моей клятвы – другим слышать не положено. И хорошо, кое-что я перепутала, кажется... Произнесено последнее слово, обратного пути нет. Это смело. Нерационально. Безумно отчасти.

Я так хочу.

– Принято, – говорит он тихо, но, без сомнений, слышат все.

– Отныне и навсегда, – разносится гул голосов, гул в ушах, гул в голове.

Губ касается поцелуй. Я открываю глаза, теперь можно. Темнота растекается шире, редеет, сдаваясь языкам пламени. Мгновение, и я увижу его...

Выдернуло резко, словно за шиворот. Тряхнули за плечи, гирлянда на потолке вспыхнула ярче. Ресторан... Я мотнула головой, стряхивая остатки видения. Не стало ни костра, ни толпы, ничего.

– Лейка?.. – Паша отпустил мои плечи, усадил обратно на стул.

– Я, да... Это ты прервал?

Короткий кивок. Черт! Я почти рассмотрела его – мужа Эсте. Раньше ни разу не получалось подобраться близко! Вдруг он чем-то важен в этой истории? И опять уплыл в небытие...

– Зачем? – не сдержалась я. – Сам хоть видел то же, что и я?

– Видел, – мрачно отозвался он и вернулся на свое место. – Только здесь сейчас была не ты.

Внутри похолодело.

– Как это?..

– Отклик. По энергии – отличий ноль, но твоя привычная открытость... Ее не стало. Поверь, с тем, кто тут сидел, я никогда не был даже знаком.

Я зябко поежилась, сделала глоток изрядно остывшего кофе.

– Послушай очень внимательно, – вкрадчиво произнес Паша. – Ты утверждаешь, что знаки – способ не потерять свою личность в чужом теле. Ожидаемые сложности, раз его хозяина сожрали, и энергия, считай, слилась. Твое тело для нее сейчас – вполне чужое, а энергия у вас в принципе одна и та же. Соображаешь, что ты делаешь?

– Хочешь сказать, я... возвращаю Эсте? В ущерб себе?

– Именно это и хочу сказать. Бросай это занятие немедленно. Без ее воспоминаний обойдемся.

– Но я должна выяснить, что тогда случилось...

– Да плевать что! – Он хлопнул по столу, официантка настороженно на нас покосилась. – Сдохли, и сдохли. Наше дело их окончательно уничтожить, а не разбираться в причинах. И уж тем более не вселять в тебя для этого древнюю сущность.

Я помассировала виски, смущенно улыбнулась официантке и жестом попросила повторить кофе.

– Рассуди сама, – сказал Паша уже спокойнее. – Откуда ты взяла шестой знак?

– В первородном мире увидела, на песке у костра. Когда с Хранителем последний раз к Нири ходили.

– Тот мир возник в момент ее смерти от руки шестерки вемов, сумевших дать отпор и остаться в живых. Внимание, вопрос: как там оказались знаки по ритуалу, который появился значительно позже?

Точно... Ныне бессмертная компания переселилась в Поток после тех событий, а до ловушек и знаков потом додумались, чтобы восполнять энергию и охотиться на Вестников.

– Ты заметила какие-нибудь знаки, когда в первый раз туда по милости Ливанова попала?

– Не уверена... Не присматривалась. Мне казалось, на песке были иероглифы. К чему ты клонишь?

– К тому, что Хранитель специально тебе знаки подсунул. Скорее всего, умеет менять миры. Мы до сих пор понятия не имеем, кто он такой, и какой властью обладает.

– погоди... Хранитель, наоборот, просил в этой истории не копаться. Не хотел, чтобы я выясняла про Эсте.

– Не будь так наивна, – насмешливо протянул Паша. – Он всегда вел нас окольными путями, но приводил туда, куда задумывал. Запуск сценариев, правда о силе Вестников. Или ты ждала от него прямой просьбы: на тебе способ, превратись-ка в почившую тысячи лет назад девицу. Нет, ему гораздо выгоднее, если ты найдешь знак и сама решишь приобщиться к ее воспоминаниям.

– Зачем это Хранителю?..

– Эсте пошла наперекор его врагам. Предположу, что она ему нужна.

Мне она тоже нужна. Без нее я бы из-за границы не вернулась. А уж какова цена... Что если она может спасти Артема, а я нет?.. Мысль больно царапнула, бросило в дрожь. Наконец-то принесли долгожданный кофе. Горячую полную чашку.

– Цели Хранителя нам неизвестны, – Паша постучал пальцами по пустому стакану, который официантке почему-то не отдал. – Зато ясно теперь, почему он в тебя намертво вцепился.

– Секрет избранности раскрыт, – развела я руками и наткнулась на предостерегающий взгляд. – Эсте – не главная проблема. Где-то в городе еще один из пятерки бродит, причем давно и тайком. Уверена, ты уже понял, что Влад их видит.

Ответом был напряженный вздох:

– Давно и тайком – это паршиво. Врасплох его не заставишь. Надеюсь, вы не собираетесь к нему так же нагрянуть? Будет смахивать на форменное самоубийство. Кстати. Может, передеешь обратно ко мне?

От такого предложения я просыпала в чашку лишнюю ложку сахара.

– Из соображений безопасности, – невозмутимо добавил Паша. – Все пятеро тебя запомнили, и ваша связь с Вестником им наверняка очевидна. В первую очередь придут за тобой.

– Возможно, придут, – не стала я спорить. – Но оставлять Артема – не вариант. И рядом с ним безопаснее всего...

– Угу. На Норде натренировался. – Он бегло взглянул на часы, нахмурился: – Мне пора. Допивай, отвезу тебя к нашему истребителю бессмертных чертей.

– Сама доберусь, позже. Если появится кто-то, Влад предупредит. А я сразу позвоню тебе. Идет? Лезть на рожон мы не будем, обещаю.

Паша неохотно кивнул, и вскоре я осталась наедине с кофе и неутешительными мыслями.

Теория о видениях пугала до чертиков. Хранитель манипулировал нами много и часто. Продолжать погружаться в жизнь Эсте рискованно, и нет никаких гарантий, что я получу нужные ответы. К тому же давно чувствую себя странно. Эти сны словно наваждения! А уж после разговора с Базилем... Нет, я не стала ею, я отошла куда-то, на бесконечно далекий второй план, и могла лишь наблюдать.

Что, если в следующий раз она не захочет уходить?

Глава 4

Феликс

Некоторые вещи в кабинете Ланса не менялись годами. Всегда зашторенное окно, горящий в любое время суток торшер. Диван с горой якобы хаотично раскиданных подушек, плотные ряды комиксов в стеллаже. Сколько юных умов на них сюда заманилось – не сосчитать.

В руках шуршал свежераспечатанный отчет. Ничего нового в нем не было. Копия того, что прислали с утра на почту.

– Повезло вашей Софии, – отметил Ланс из-за рабочего стола, – Анита до летального исхода не дождала совсем чуть-чуть. Последствия серьезные. Даже не энергетическое истощение, а нечто вроде выгорания. Восстановится постепенно, но сейчас полный блок.

– Это я прочитал. Выходит, она не знает?

– Не до разговоров ночью было, хотя на английском девочка говорит сносно... Напоили успокоительным, проснулась недавно.

Я вернул папку с отчетом на стол, Ланс лениво констатировал:

– Не очень ты горишь энтузиазмом с ней общаться. Что-то смущает?

– Карта ее медицинская.

– Да... – Он скосил глаза на папку. – Интересно получилось. Как таковых осложнений нет. Я ожидал худшего. Состояние, в общем, стабильное. Будет паинькой – поправится.

Эта паинькой была разве что в коме. И все врачи клиники дружно утверждали, что шансов оттуда выйти у нее крайне мало. А теперь – пожалуйста. Явно без ментального мракобесия не обошлось.

– Я оставил Артура на наблюдении, – непринужденно переключился Ланс, – на всякий случай. Так-то мальчик в полном порядке, легко отделался.

– Особенно если сравнивать с его другом.

– Не стоит сравнивать вообще. Ни с другом, ни с другим делом...

Вдох, выдох, спокойствие. Два слова:

– Пока непонятно.

– Что за привычка делать вид, что тебя ничего не волнует?

– Как воспитал, – пожал я плечами.

– Рассказывай тут, – хмыкнул Ланс. – Ты отлично воспитывался сам.

В кармане пикнул телефон. Пришло сообщение: «Нууу?!» с выводком подпрыгивающих смайлов. Я кивнул Лансу на прощание и вышел за дверь. Несмотря на весьма деликатные обстоятельства откладывать беседу нет смысла.

В приемной изводилась Анита со стаканчиком горячего шоколада из автомата.

– Ну-у-у?... – нетерпеливо выдохнула она.

– Ценные указания получены, отдельный корпус стационара на том же месте.

– Может, все-таки я с ней поговорю?

– Ты уже поговорила, – напомнил я.

– Было дело... – Анита сдула со лба розовую прядь и щелкнула пальцами по стаканчику. Видимо, пить не собиралась – таскала с собой, чтобы не скучно было. – Но в этот раз вряд ли она всех в здании вырубит и слиняет.

Действительно, вряд ли. Дверь нараспашку открой – далеко не уйдет.

– А если вместе? – поступило компромиссное предложение.

– Тебе от нее кое-что надо. Она это сразу поймет.

Анита встала на цыпочки, отставила стаканчик на крышу автомата и отчеканила:

– Других зацепок нет. А скоро... начнется.

Стажировка в архиве главного офиса сказывается. Начиталась бог весть чего.

– Сто лет назад жертв было много, – продолжила она, понизив голос. Кофейный автомат облепили девы из приемной, зазвенели монеты. – Нельзя дать этому повториться.

Минимум пятьдесят раз дали: вековой перерыв, некий ритуал, пробуждение ловушечных зомби и новый мир в Дромосе, Потоке, или как там еще его называют. Наверняка не стоит лезть, тогда и без жертв обойдется. Пусть ритуалят хоть до посинения.

– Есть проблемы пореальнее теорий ментальных заговоров.

– Если эти проблемы станут реальными, будет поздно, – Анита сжала ладони в кулаки. – Информации катастрофически не хватает. А Соня прямо от них!

Я забрал с крыши автомата стаканчик, вручил ей и отправился в корпус, значившийся на пропуске дополнительным. Отдаленная неприметная пристройка с отдельным входом и охраной, куда мало кого пускали. Во избежание. С виду клиника как клиника, стены того же цвета, двери в тех же углах, но все закрыты. Нужная палата находилась в конце пустого коридора. Внутри было по-стандартному серо и стерильно. Рекордсменка по внезапным пробуждениям плевать хотела на постельный режим, сидела на подоконнике в накинутах на ночную рубашку халате и рисовала на стекле пальцем что-то, похожее на... Хм. Неважно. От звука хлопнувшей двери подпрыгнула. Спешно размазанный на окне рисунок, секундная заминка.

– М-м-м... – она облизала бледные губы и недоверчиво присмотрелась, явно меня узнав. – Ты и есть тот Феликс, который главный по инквизиторским санкциям, трибуналу и спуску в трубу?

А утверждали, что вменяемая...

– Видишь, как хорошо. – Я остался у двери. – Оказывается, знакомы.

Она шумно вдохнула, подавившись нервным смешком, и уставилась в окно. Бестолковое занятие. Ничего там кроме куска серого безликого двора не разглядеть.

– Ну, ты у нас не злопамятный, да? Никто ведь не пострадал.

Память у нее отшибло, видимо, вместе с мозгами.

– А до этого? Или те две женщины – никто?

Причем это нам известно только о двоих – из клиники, где ее осенью угораздило очнуться, и из русского офиса, в котором состоялся дипломатичный разговор с Анитой. Всех посетителей бара и торгового центра не проверишь.

– Я не хотела, выбора не было, – голос спокойный, но плечо дернулось. – На хвосте сидело древнее зло. Очень неприятные давно уже не совсем люди. Я просила вас всего пару дней меня не трогать. С тем, чтобы вести о них откровенные разговоры, были проблемы. Но теперь они решены. Так что если надо – спрашивайте, я вся ваша.

– Мне надо, чтобы ты была от нормальных людей подальше, и вариант последних двух месяцев меня целиком устраивал.

Она соскользнула с подоконника и, держась за него же, дошла до кровати. Села на одеяло и закусила губу, ставшую практически белой. Правильно, обойдемся без истерики, паники, или чем там еще ее может прорвать. Пауза – секунда, вторая, третья...

– Да что я им сделаю-то, людям этим?..

– Ничего. Потому что не в состоянии. Пока что.

– В Поток я тоже вернуться не могу, – сожаления не слышалось, – увы. Дальше-то что?

– Посмотрим. Не в твоём положении новых приключений искать.

– И что у меня за козырное положение?

Все равно кто-то должен ей сказать.

– Ты на втором месяце беременности.

Ее брови поползли к переносице, затем вверх.

– Это шутка?..

– Тебе это кажется смешным?

Она поперхнулась набранным от души в легкие воздухом и заявила:

– Бред. У меня не может быть детей.

Крепко ее приложило. Даже не в силах определить, что правду говорят. Я достал из кармана дважды сложенные пополам бумаги из отчета, бросил на кровать. Сцапала резво. Развернула, бегло прочитала, потом внимательнее. По лицу явственно читались сомнения и вопрос: «Это точно мое?».

– Быть такого не может, – отрезала она.

– Однако есть.

– Как?!

– Я что, на гинеколога похож?

Будущая мать потерла лоб, прищурилась. С размаху швырнула бумаги на подушку и прошипела в никуда:

– Сволочь какая... Скотина... Прибыю.

Сомневаюсь, что это было мне.

Шипение стихло, ответно приклеился пристальный взгляд. Нет уж. Достаточно просто уставиться на мысленно нарисованную посередине лба точку – создается впечатление, что смотрят в глаза, но взгляд перехватить невозможно. Это всех бесит, редко кто дольше минуты выдерживает. Эсперы убеждены, что эти фокусы у нас из соображений собственной безопасности. На самом деле наоборот. Нечего себя лишней раз провоцировать.

Она поморщилась, независимо закуталась в халат и обронила:

– Значит, уже зима. Чего ж снега не завезли? Мы хоть где?

– Не в России.

– В жизни бы не догадалась! А это законно? Между прочим, тянет на похищение.

Не там ищет проблему. Впрочем, кто ищет – тот всегда найдет.

– Это благотворительность. Фонд любезно согласился принять личность, недееспособную вследствие психического расстройства. Твоя тетя, как единственная родственница, была счастлива передать опеку. Где тебе быть, решать нам.

Она усмехнулась:

– Так Совет меня удочерил? Мило.

– Вот и чувствуй себя как дома. Останешься здесь, пока суд не признает иное. Но им для этого нужно заявление, подавать которое некому и незачем. Еще вопросы?

– А ребенок?..

– Он тебе разве нужен?

Жертва произвола вцепилась пальцами в одеяло, стиснув зубы. Сразу не вопит, что не нужен. Есть вероятность, что не захочет снова крушить и по дну Потока шлаться.

– Ладно, я все поняла, – дочь фонда склонила голову набок. – Давайте сэкономим друг другу время. Я расскажу про нижний Поток, а вы будете погостеприимнее, ну?

– Расскажешь, – согласился я, – и безо всяких «а вы».

– Кроме меня, никто не поможет разобраться с пятеркой из Потока.

– А какое мне до них дело?

Ее руки сцепились в замок, слегка сползло с кровати смятое одеяло. В глазах было сплошное замешательство. Конечно. Рассчитывала на другое. Думала, можно калечить людей направо-налево, потом поторговаться, и все сойдет с рук.

– Аните было дело, – выдавила она.

– Ты ее тут видишь?

– А какие еще варианты есть? – последовал вопрос.

С видом на море...

Так, все.

Я развернулся. Замок пикнул в ответ на поднесенный пропуск, за спиной захлопнулась дверь. В коридоре было пусто, из палаты донесся приглушенный стук. Кроме кровати пинать там нечего. Это мы переживем. Но врача я в приемной на всякий случай разыскал, пусть присмотрят. Кто знает, что беременной в голову взбредет. При необходимости успокоят – подольше поспит, ей полезно.

Во дворе, на ведущей в главный корпус дорожке, караулила Анита в символически запахнутым пальто, сжимая измятый пустой стаканчик.

– Ну? – Верна себе. – Как прошло?..

– Определенно будет тебе рада.

– Сейчас? – Она уставилась на меня, не моргая, стаканчик с хрустом смяло в пластиковый шарик.

– Забудь о ней до завтра.

Анита протестующе нахмурилась, я взял ее под локоть и повел прочь от пристройки.

– Ты зачем прилетела? Только запасные вилки у меня искать? С Маэвой собиралась поговорить, центральный архив навестить. Вот и вперед. Занимайся своими делами.

– Но...

– У тебя что, свербит? Ей есть над чем подумать. Никуда не денется.

Она вывернулась и на мгновение замерла. Шарик с размаху улетел в урну у входа в главный корпус. Стукнулся о бортик, срикошетил, но упал куда надо.

– Все в порядке, – уверил я. – Успокойся уже.

– Я ее чуть не убила. Их двоих.

– Она чуть не угробила несколько сотен человек. Прямо перед этим.

– Я знаю. Но чувствую себя мерзко, и все.

Это пройдет. Потом.

– Поехали в офис.

– Погоди. Давно хотела спросить. Ситуация не кажется тебе какой-то... странной? – Анита замялась, с явной осторожностью подбирая слова. – В тот день Соню еле откачали, и тут врачи никаких гарантий не давали. Выжила чудом. А ребенка не потеряла. По медицинским показаниям, у нее его вообще быть не должно. Вдруг это не просто так? Я же чувствовала, что-то мне тогда помешало... закончить. По-моему, он ее и спас. И после с того света вытягивал. Живучий паранормально. Ты подобное где-то видел?

– Ребенок Розмари?

– Не смешно!

– Конечно, не смешно. Захвати с утра святой воды, демонов из нее изгонять будем.

Она фыркнула, я подтолкнул ее к парковке. Хватит с меня теорий о ритуалах, чтобы еще и это выслушивать.

С трафиком повезло, а вот с погодой... На дорожных табло высветилось предупреждение про надвигающийся град, температура разом упала на десять градусов. При въезде в город небо потемнело, ливанул дождь. Ветер посрывал все, что непрочно висело, и расшвырял вокруг. Анита прилипла к окну, то охая, то снимая на телефон какой-нибудь пролетающий над асфальтом вырванный с корнями кустик. Машины заносило на поворотах, кто-то впереди не справился с управлением. Ничего серьезного, но пришлось объезжать место аварии и потенциально опасные развязки. Дождь усиливался. Впрочем, мы успели заехать под крышу до того, как он превратился в обещанный град. Офисная парковка оказалась предсказуемо полупустой. И погода нелетная, и никаких конференций в субботней программе. В холле было тихо, воздушные шары и гору макулатуры уже убрали. Анита унеслась к тому самому лифту, в святую святых, вылавливать Маэву, я спустился к себе. Наконец, выходной. Можно спокойно поработать.

В почтовом ящике ждали отчеты от кураторов близлежащих окрестностей. Много, подробные и толковые. Изучал пару часов, сомнений не возникло ни в одном. Выходило, что вчера эсперов в районе автобусной остановки не было.

Вообще. Совсем. Никого.

Монитор моргнул, буквы смазались. Медленно моргнуть, точно так же вдохнуть. Выдохнуть. Приоткрытое окно прибавило свежего воздуха, ветер рванул на столе листы блокнота. Теперь лучше.

Варианты с местными и приезжими отпали. Возможно, это кто-то, у кого способности прорезались недавно. Плюсы: вряд ли он мог убить специально. Вообще бы не понял, что сделал. Минусы: найти его сложнее. Первые полгода после инициации ничем не выделяется для своих. Исключение – личное «прощупывание» при встрече, но тут надо знать, кого проверять. Традиционно новички вычисляются по несчастным случаям – чаще всего крепко влетает родственникам, или юный эспер сам жалуется, что хреново себя чувствует. Только у нас по пассажирам автобуса глухо, а в клиниках по-прежнему без подозрительных обращений. Следует заняться окружением жертв.

Главный вопрос – зачем кому-то так сильно пугать посторонних пацанов? Да при этом психовать, чтобы энергетический фон покорежило. Значит, пацаны не посторонние. Насолили чем-то, вот и стали целью. Обоим по пятнадцать лет, самый распространенный возраст инициации. Нужно проверить одноклассников и прочих ошивающихся рядом ровесников. Какое-нибудь тестирование с собеседованием провести от фонда, школы это любят. С этим к Колвену, он у нас главный по работающим на Совет эсперам. Пусть зашлет парочку. Там к каждому и присмотрятся. Если есть особо одаренные – найдут.

И еще вариант. Это не кто-то новый.

Прямое или косвенное влияние, эмоциональные фоновые заскоки, пинки в Лектумы, и даже полный выворот мозгов к смерти не приводят. Никак. Разве что могут спровоцировать, когда здоровье слабое. Но сами по себе – нет. Так считается. А у Натана не было проблем с сердцем.

И у Елены не было.

Сейчас, больше года спустя, остались те же вопросы. И запись на автоответчике. Четырнадцать секунд, считая молчание в начале. Не помню, почему трубку не взял. Меня не было в стране. Сообщили лишь на следующий день, на похороны опоздал. Расследование зашло в тупик сразу. Никто ничего необычного не увидел, не заметил, не подозревал. Зацепок так и не появилось. Я знаю весь ее тот день с раннего утра, все дела и разговоры, маршрут вечерней прогулки от дома до парка. Она заглянула в молочную лавку на нашей улице, поинтересовалась, будет ли завтра ее любимый сыр, в котором зелени в два раза больше, чем того самого сыра. Вышла к набережной, поболтала с туристом. Направилась в парк, у ворот позвонила мне. «Да... – вздох и пауза, – правильно, не надо об этом... по телефону. Возвращайся побыстрее, хорошо? Ну нет, то есть я не тороплю... До встречи!» Голос у нее был довольно взволнованный. О чем она говорила, неясно до сих пор. Да и без этого... Что-то было не так. Никаких причин, чтобы через четыре минуты присесть на скамейку и умереть.

В папку в углу монитора пустило по паролю, я открыл давно выученный наизусть отчет о вскрытии. Будто там могло новое появиться... Все предельно скупое – сердечный приступ. Елена Земан-Дорман, тридцать три года. Для нее было важно оставить фамилию отца. А то вдруг расстроится, что единственная дочь ее сменила. Не помогло. Да и фамилия – меньшее, что его тогда расстроило.

Отчет исчез с экрана, из коридора протяжно вздохнули. Кто так затейливо заблудился? За порогом, на первый взгляд, было пусто. С другой стороны распахнутой двери притаилась Хлоя, сжимая в руках подмокший лист бумаги. С волос стекала вода, куртка выглядела не лучше. На полу целая лужа скопилась.

– О, привет, – буркнула она с невозмутимым видом, будто случайно тут оказалась. В тупике цокольного этажа, перед моим кабинетом. Мимо проходила. – А я тут... стою. Можно же?

– Что-то случилось?

– Да. Нет! В смысле... Ничего плохого. – Хлоя ткнула мне в руки смятый лист. – Вот.

Затертые буквы едва читались, но общий смысл был ясен. Копия заявки в Парижскую консерваторию. Действительно ничего плохого, очень даже смело. Конкурс там впечатляющий.

– Удачи.

Она скосила умоляющий взгляд на бумагу и выпалила:

– Что мне теперь делать?..

– Куртку снять, пока ты не заболела.

Или этаж не затопило. Хлоя принялась растягивать замерзшими пальцами молнию, растерянно улыбаясь и шмыгая красным носом. Похоже, первым делом прибежала в офис, несмотря на бурю. В кабинет она юркнула, бросив смущенное:

– Зайду, ага?

Раз уже там... Я прогулялся до кухни за чаем. Не в курсе ее вкусов, главное, что горячий. Хлоя успела повесить куртку на свободную вешалку и закрыть окно. Сидела на краю стола, нервно дергая ногой. Протянутый стакан обхватила обеими ладонями. Не столько пила, сколько грелась.

– Совершенно не понимаю, что на меня нашло, – чередовался со вздохами сбивчивый шепот. – Подала... Ну, чтобы потом не жалеть. Что не попробовала. Мама мне сказала: за мечту надо хотя бы побороться. А я всегда мечтала, с детства. Там так... Сказочно. Дыхание от одних фотографий перехватывает! Вот и решилась. А сейчас стыдно. Вдруг они меня возьмут?

Чай кончился, губы у нее стали менее синие. А вот руки еще дрожали. Вряд ли от холода. Хлоя отставила стакан и закончила чуть громче:

– Не представляю, как быть. Если поступлю и поеду туда учиться, у меня не будет времени... на остальное.

– Тебе решать.

– Это же эгоистично! Словно дают суперсилу, чтобы сделать мир лучше, а ты – нет, не надо, пойду-ка я играть себе в свое удовольствие. А я помочь кому-то могу, или даже спасти.

И для разговоров об этом выбор пал именно на меня. Что со мной не так?

– Тебе никогда не хотелось... – Хлоя робко заерзала на столе, – заниматься чем-нибудь другим?

– Нет.

Она озадаченно потерла лоб.

– А ты думал, что если бы... всего этого не случилось. Что было бы?

Толку тут думать? Случилось.

– Поговори с Маэвой, – посоветовал я.

– Не хочу...

А со мной, значит, хочет. Или неведомая подростковая дурь, или градом по голове слишком сильно попало.

– Что с теми парнями из автобуса? – наконец прозвучал от нее дельный вопрос.

– Было влияние, его ты и засекла. У обоих чувство страха резко зашкалило. Первый в порядке. Причины смерти второго под вопросом, официально сердце не выдержало. Ищем кто.

– Это один из пассажиров автобуса, – убежденно заявила Хлоя. – Среди них надо искать.

– На нем мог ехать кто угодно.

– М-м-м... Вообще-то я на телефон снимала, когда всех на остановке через единственную дверь высаживали.

Нет слов.

– Почему сразу не сказала?!

– Так я даже не была уверена, что не зря тебя позвала... – Она густо покраснела. – Вдруг паранойя, еще и видеозаписями кидаться...

– Давай сюда!

Юная шпионка соскочила со стола и кинулась выворачивать карманы в поисках телефона. Нашла. К счастью, не намок. Видео скинули на компьютер, темное и довольно продолжительное – шесть минут. Хлоя выскочила из автобуса в числе первых. Сначала выбиралась к выходу, на записи невнятно мелькала то сгорбленная спина, то перевязанные алой лентой дреды, то рукав с кожаным браслетом в виде оплетенного морскими узлами якоря. После – ступени, темная улица. Картинка выровнялась, сфокусировалась на двери автобуса. Из них повалил народ. По одному, парами, кто осторожно, кто торопливо. С недоумением, паникой, усталостью на лицах и просто сонным выражением. Длинный поток пассажиров почти иссяк, из проема выполз тот самый тщедушный Леопольд, следом его мощная жена. Запись оборвалась.

– Пригодится? – смущенно поинтересовалась Хлоя, замерев за моим плечом.

– Конечно. Многих пропустила?

– Четверо меня обогнали.

Досадно. Если он натворил то, чего сам испугался, вероятнее сбежал первым.

– Я их рассмотрела, при встрече узнаю. – Она взмахнула телефоном, словно надеялась встряхнуть из него что-то еще. – Сейчас запишу всякие приметы!

Схватила блокнот и начала строчить. Подробно и яростно, карандаш скрипел. Я загрузил видео в редактор, разложил по кадрам. Не так все паршиво, есть с чем работать. Буря за окном стихла, спокойно темнело.

– Мне так жалко того парня. И его друга. – Хлоя положила передо мной исписанный мелким почерком лист. – Я бы хотела помочь...

Это можно устроить.

– Есть версия, что жертвы не случайные. Нужно узнать о них побольше.

Я записал ей имена, фамилии, адрес школы и прочую официальную информацию, пока никак не проливающую свет на то, чем двое пацанов могли кому-то помешать. Хлоя вцепилась в вырванный из блокнота лист и уверила:

– Поняла. Постараюсь!

Стараться ушла тут же, сначала даже куртку забыла. Вернулась, попросила Маэве о своих музыкальных планах не говорить и унеслась, с диким энтузиазмом в глазах. Пусть. Может, вправду что-то интересное нароет. Когда о школьниках выпрашивают семнадцатилетние девочки, выглядящие их ровесниками, люди отвечают охотнее.

Весь вечер пришлось провозиться с записью. Вытянуть свет кое-как удалось. На раскадровке было четко видно тридцать два человека. Плюс четверых держим в уме по описанию Хлои. Внешне подходящих по возрасту для инициации насчиталось шесть, но двое из них – в блокноте. Четверо пацанов, явно из какой-то одной спортивной команды, та дева с дредами и неопределимого пола обладатель браслета. Уже что-то. Остальное – завтра. Если хронически не высыпаться, можно и очевидное не заметить. Тем более что позвонила Анита и воодушевленно сообщила, что встретила в архиве старого знакомого, и ночевать останется у него. Можно было уезжать.

На потрепанных бурей улицах частично навели порядок и убрали все то, что повывернул вместе с корнями ветер. За городом такой роскоши не было, дорога немного затянулась, но к девяти успел. Хоть иногда удается выспаться.

С утра достали прямо в спортзале. Обычно до рассвета никто не отвлекает, названивая, потому что все спят. Но не сегодня. Некий аноним в половину седьмого набрал тот номер,

который мало у кого есть. Впрочем, звонивший недолго оставался неизвестным, пока не заговорил:

– Наконец-то! Я уж начал переживать, что ты номер для избранных сменил.

Где-то открылись врата ада.

– Опять заскучал? – спросил я.

– Ну, до вашего веселья мне как до луны ползком.

Эмиль Хансен, бывший начальник службы безопасности фонда и заместитель главы Совета. Нынче шестой год в международном розыске. В какой стране отсиживается – неизвестно, но подозреваю, что в далекой и жаркой.

– И ты решил развлечься таким кардинальным образом?

– Ой, умоляю... – усмехнулся он. – Вы собственное начальство-то найти не можете. За себя я и не переживаю.

Наверняка звонит со взломанного сервера какого-нибудь Сомали. В своей сфере был лучшим, и вряд ли это изменилось.

– Дормана все-таки не за массовые убийства разыскивают, – напомнил я.

– А я бы не удивился! Маэва еще не то придумает в борьбе за шефское кресло. Кстати, как она его до сих пор не утянула? Год решила выждать для приличия?

Сколько Хансена тут нет, а о делах Совета осведомлен лучше многих.

– Тебя это давно не касается.

– Дележ грядок, слава богу, да. А дело общее. И по-прежнему важное.

Поэтому и додумался застрявших в ловушке эсперов методично изводить. Видите ли, кто-то там сотню лет назад очнулся, нехило покрушил, плюс еще были инциденты. Только отличиться может любой, даже с минимальным набором способностей. Давайте всех прикончим на всякий случай. Вскрылось все как раз благодаря Маэве – проверила в клиниках последние смерти, в прописанных медикаментах нашлось кое-что совсем не по части лечения. Замять дело не удалось, но конфликтов с родственниками и резонанса избежали. Пресса посчитала его тронутым избавителем безнадежных больных от страданий, а сколько таких борцов было... Не сенсация.

– Прогноз грядущего апокалипсиса потихоньку сбывается, – абсолютно серьезно заявил Хансен. – Знаю, у вас летом один ненадолго очнулся. Только это был не он.

– Передать сакральные знания решил? Не по адресу.

– Позже перезвоню, когда вам припечет. Заранее никто умных советов не слушает.

Звонок оборвался с пронзительным писком. Сволочь. В ухе еще полчаса противно звенело. Апокалипсис... У него окончательно крыша поехала. Впрочем, у каждого человека с иммунитетом справка есть. Так и работаем.

Этот идиотский разговор вышел из головы лишь через час, в кафе. Эмма благополучно задремала за стойкой, оставив меня наедине с ноутбуком. Допустим, у Натана была повышенная впечатлительность, восприимчивость, и прочее до кучи, и аномально сильный приступ паники его прикончил. Если к этому причастен пока неизвестный нам недавно инициированный эспер, его найдут. А если не он? Самое простое, с чего следовало начать, это поискать следы жертв в сети.

Артур Кавалли оказался мальчиком не бедным. Отец – владелец крупной сети супермаркетов, разоривший немало конкурентов, мать – известный адвокат с астрономическими гонорарами. Однако чадо не баловали, дома бывали через день, и часто отправляли пожить к бабушке, где, как он жаловался в любимом геймерском сообществе – «интернет дерьмовый, зато кормят вкусно». Ее адрес он мне и называл в машине. Мог ли кто захотеть поквитаться с его родителями или избавиться от единственного наследника? Не стоит отмечать такой вариант. Погибший Натан Берг был прост и малопримечателен. Разве что фамилия... Где-то я ее уже слышал. Увлекался он той же игрой, что и друг, учился с ним в одной школе, но учился в

разы лучше. С матерью был в нетипично приятельских для своего возраста отношениях, регулярно обменивался лайками и с отцом, и с отчимом. Образцовый ребенок. Подписывался на рассылки университетов и мегабайтами размещал семейные фотографии. Там-то я и узнал знакомое лицо... Ну, конечно. Адам Берг, его семилетний сводный брат. Полтора года назад был пациентом официальной части фонда. Пациентом Елены. Крайне необщительный, с какими-то навязчивыми страхами темноты, и помочь ему никак не получалось. Она переживала, что плохой психолог, и что-то упускает. Затем у нее случился паршивый разговор с его матерью, та нажаловалась руководству «на большую скандалистку» и сына забрала. Сама больная. Елена и скандал – это нечто на грани фантастики...

Совпадение? Прошлой осенью та история мне даже не вспомнилась. Повода и не было. А вот теперь... Некая связь вырисовывается. При варианте – кто-то умеет вызывать сердечные приступы специально. В тот раз шансов найти его практически не было. Времени прошло многовато, домой я прилетел через пару дней после ее смерти. Момент был упущен.

Оставалось надеяться на одно. Когда-нибудь это повторится. И тогда...

– Так и думала, что ты здесь!

На соседний стул шлепнулась Анита. Без признаков макияжа, с наспех собранными в хвост волосами. Ни одной цветной пряди. Торопилась.

– Старый знакомый занудой оказался?

– Не трави душу, – поморщилась она и цапнула сэндвич с моей тарелки. – Поделишься? А то даму за стойкой будить как-то неловко...

Предположим, целью был именно Натан, и его хотели убить. Друга невольно зацепило за компанию, потому исход не летальный.

– Погодка получше, чем вчера, – прорвалось рядом сквозь ее сонное зевание. – Ничего не пытается пробить голову. Хотя на улицах менее зрелищно без летающих кустов.

Вторая ли это по счету смерть? Хлоя по стечению обстоятельств в том автобусе ехала и влияние засекла. Если бы не она, никакого расследования не было бы.

– Между прочим, завтра уже наступило, – звучал фоном нетерпеливый голос. – Теперь-то можно с Соней поговорить? Я готова, честно. Достали эти непонятки по ритуалам. Звонила Лансу, он на работе, сказал – ждет в любое время. Съездим после завтрака?

Обоих погибших связывает Адам. Или его мать. В любом случае семья Бергов может быть как-то замешана. Надо с ними пообщаться.

– Ты меня не слушаешь, – Анита хлопнула ладонью по столу. Не жуя, проглотила оставшуюся половину сэндвича и мрачно уставилась в пустую тарелку.

– Сегодня уже завтра, тебе необходимо поговорить про ритуалы. Ты готова, Ланс ждет. – Я подвинул ей чай и добавил: – Погода лучше, кусты на местах.

Она отпила и сердито прищурилась:

– Сейчас закажу торт. На завтрак. И буду есть его... большой ложкой.

– От Маэвы вчера ничего не добились?

– Тухло... Она в поведении Шульца проблем не видит. А зря, мы не у себя дома. Ну, я предупредила! Знаешь, кто Маэву очень интересует? Соня. И то, как способности по внушению своей воли работают. Кстати, не только ее, Колвен тоже спрашивал.

– Скоро узнаем.

Анита категорично мотнула головой.

– Мне этот массовый интерес не нравится.

Сдвинутые брови стерли с ее лица последние следы детского кокетства.

– Все к ней начнут приставать с вопросами, – сказала она. – Многим нижний Дромос покоя не дает, регулярно кого-то срывает. Хансена вспомни. А тут... Это плохо кончится.

– Кто бы их к ней пустил.

– Раз кроме тебя некому, вот и будут лезть к тебе.

Будут. Привалило сокровище...

– Где сядут, там и слезут.

– Ага, первый год обороны пошел. – Сжатая обеими руками чашка скрипнула под натиском длинных ногтей. – Конечно, если посчитать, то Соня заработала куда больше пяти предупреждений. Но силы у нее нет, и восстановится нескоро. Ловушка не грозит, сама только что оттуда. Куда ее?

– Чем тебя текущий вариант не устраивает?

– А что будет, когда она родит?

– До этого еще дожить надо.

В ответ – опущенные глаза и вздох в чашку. Похоже, назад мне ее не отдадут.

– Это я виновата. Спровоцировала ее. Не ожидала, что она такое устроит. Уверена была – договоримся. Но... все пошло не так. Черт, да я даже о своем плане рассказать не успела! Попробовать ее энергию загасить вместе с бонусами и привязкой. Думала сначала убедиться, что Соня в принципе не на их стороне. А она слишком их боялась, чтобы рисковать. Факт – если бы не я, ее бы не занесло.

– Далеко не факт.

Она разжала пальцы и подняла решительный взгляд:

– Я ошиблась. И должна все исправить.

Бывает.

Чашку я у нее все-таки забрал, та ни в чем виновата не была.

– У тебя обратный вылет сегодня?

– Да, – Анита откинулась на спинку стула, – вечером.

– Сдашь. Самолет будет другой, ночью. Заберешь ее с собой.

Она вопросительно моргнула.

– В каком смысле?

– В прямом. В надежную клинику, под круглосуточный присмотр. Осложнений помимо выгорания у твоей Сони выше крыши, пока долечат – не один месяц пройдет. Выяснишь, что хотела. Мотивации у нее достаточно. Но следи внимательно, если второй раз...

– Глаз не спущу, – следовал кивок за кивком. – Кому-нибудь можно об этом говорить?

– На твое усмотрение.

– А что насчет...

– Все на твое усмотрение, – перебил я. – За последствия отвечать тоже тебе.

Анита снова кивнула, забарабанив ногтями по столу. За стойкой встрепенулась Эмма, протерла заспанные глаза и бросилась к столику принимать заказ. Обошлось без торта.

С темнеющего экрана ноутбука улыбались, стоя в обнимку, братья Берг. Без этой хранильницы ритуальных тайн одной проблемой меньше. Хотя бы временно.

Глава 5

Лейка

Обрыв приближался, внизу бурлили черные волны. Опять. Накатывали друг на друга, извиваясь и рыча. Вода затапливала берег, холм, сознание. Небо угрожающе нависало, пока не упало в самый омут. Меня накрыло с головой: ни вынырнуть, ни хотя бы шевельнуться. Воздух кончился, ухо резанул короткий пронзительный звук. Извне... Я вздрогнула и распахнула глаза. За окном, в отблеске света фонаря мельтешила покрытая снегом ветка. На мобильном высвечивалась половина третьего и значок конверта. Сообщение! Оно и разбудило. Кто бы ни написал посреди ночи – спасибо ему. Чертовы кошмары... А ведь они даже не мои!

Я закашлялась, все еще пытаюсь отдышаться, высунула руку из-под теплого одеяла и схватила телефон. Яркое свечение дисплея в глаза, список сообщений. Новое – от Аниты... «Прилетаю в восемь тридцать утра, вместе с Соней». Что?.. Нижней строкой шел аэропорт с номером терминала. Сон сдуло весь, без остатка. Резко поднявшись с подушки, я непослушными пальцами набрала этот же номер. Абонент вне зоны доступа. Как так?! Где сейчас Анита? Мобильный раз за разом отзывался равнодушным механическим голосом. Спокойно! Если посадка через четыре часа, вероятно, она уже в самолете. Они... А на взлете пользоваться телефонами нельзя. Выходит, мне сообщили в последний момент?

Я выбралась из кровати, перечитала сообщение еще раз, и еще. Оно не думало исчезать или меняться. Те же буквы, как ни смотри. Понимая, что ни за что больше не усну, я нацепила халат и тапочки. На кухне матово поблескивали отдраенные накануне поверхности, на урчащем холодильнике слиплись в безобразную кучу магниты. Только вчера красиво расставляла. Арина, чтоб ее... Я разлепила их снова, равномерно распределила по дверце. Сувенирные из разных стран в один угол, мультяшных персонажей – в другой, доску для записок – посередине. Вот теперь порядок. Ощущение реальности вернулось, глоток свежесваренного кофе окончательно вывел из ступора. Мысли скакали бешено, и отчаяннее всех одна – получилось! Соню выпустили из Потока, и я ее скоро увижу. Тео сдержал свое обещание. Но было бы глупо надеяться, что за это не придется заплатить сполна...

Дверь кухни приоткрылась, по кафелю прошлепали босые ноги. Не одной мне не лежитя в кровати... Артем потянул рукав любимой пижамы с пингвинами, все еще пытаюсь убедить всех, что она ему ничуть не мала, и потер сонные глаза.

– Чего тут шастаешь? – нахмурилась я, отставляя давно пустую чашку.

– Тебя искал... Что стряслось-то?

Неважно, как тихо ты ходишь по дому, если при этом бурно фонтанируешь эмоциями. Для тех, кто чувствует больше, они равносильны стуку молотка об стену.

– Садись, раз нашел, нечего босиком стоять, – вздохнула я.

Он забрался на диванчик, рядом с моим стулом, поджал ноги и выжидающе уставился на меня. Да уж... Определенно, мои зловключения – не та тема, которую следует обсуждать с ребенком. Но я обещала, что секретов от него держать не стану.

– Можно сказать, что я... неким образом договорилась, и Соню вернули из-за границы.

– Круто! – радостно хлопнул в ладоши Артем. – Насовсем?

– Не уверена...

– Что они за это хотят?

– Главное, что не тебя. Остального, к сожалению, не знаю.

– Дела-а-а, – протянул он. – Не бойся. Она наша подруга, и мы ее не отдадим. А их – на мыло!

– Наша? – переспросила я осторожно.

– Познакомился же в Потоке. Прикольная. Энергия в ней была плохая... неправильная. Но то была не Сонина. Уйдет.

Я придвинулась ближе и потрепала его по волосам. Пусть так и сбудется. Особенно про мыло. Еще бы собраться духом и рассказать ему об Эсте...

– А вемконтроль? – задумчиво спросил Артем, щелкнув пингвина на колене по носу. – Они ее отпустят?

– Сомневаюсь, – покачала я головой. – Натворила она всего немало... Скоро встретимся, выясню.

То, что Анита не промолчала, обнадеживало, но... Все-таки она не позвонила, а отправила сообщение глубокой ночью. Предельно нейтральное, без приглашения как такового. Я могла его только к обеду заметить, когда ехать было бы поздно. Впрочем, и на том спасибо. С осени наши отношения, мягко говоря, испортились. Прекрасно помню ее последний взгляд. Там была не злость, и не усталость. Гораздо хуже. Разочарование.

– За них потом возьмемся, – воинственно пообещал Артем и смачно зевнул. Следующим зевком он точно себе челюсть вывихнет. – По очереди!

– Иди спи, – хмыкнула я, – а то сил на всех не хватит.

Два часа я крутилась в постели, сбивая белье в кучу, и без конца смотрела на будильник. Наконец, не выдержала и поехала в аэропорт. Лучше там подожду, благо в терминале А народа мало.

Сугробов навалило с избытком, снегопад усилился, машины в полумраке ехали с черепашей скоростью. До аэропорта добрались впритык, в половине девятого. В здании терминала было пусто, ни пассажиров, ни табло, ни расписания. Куда идти? Побегав кругами, я в отчаянии метнулась к стойке, где приветливо улыбались две девушки. От них узнала, что самолет из Женевы, единственный за час, приземлился двадцать минут назад, и других пока не ожидается. Как?! Я опоздала? Надо было еще раньше выезжать... Сразу! В ушах зашумела кровь, телефон пикнул сообщением, что абонент, которому я набирала ночью, снова в сети. Через силу втянутый воздух, торопливо набранный номер. Гудки, гудки, гудки... Звонок сбросили. Второй тоже. Энергетического отпечатка Сони видно не было. Если она рядом с Анитой, то подобное неудивительно. Люди с иммунитетом и гасить нашу энергию умеют, и просто скрывать. Сама не найду. Кто не успел – тот опоздал. Теперь все. У нее богатый опыт игнорирования моих звонков.

Шум слился в нарастающий звон, сзади тронули за плечо. А дар утверждал, что человека за спиной не было. Неужели?.. Я обернулась. Знакомый тощий тип с бакенбардами смотрел на меня не то чтобы дружелюбно, но сдержанно. Кивком велел следовать за ним и направился к выходу. Стеклопакеты разъехались, окутала метель. С трудом разглядела припаркованную у дороги черную машину. Теплая темнота салона, глухой хлопок дверцы. Тут же на плечи легли знакомые руки, притянули к себе.

– Тс-с-с, – обжег висок шепот, – тут я, тут.

Нашлась! Соня... Кто еще будет мерцать солнечной энергией и так душить в объятиях, что не вдохнуть?.. Краем глаза заметила на переднем сидении Аниту, уткнувшуюся в телефон. Спустя мгновение стукнула водительская дверь, машина плавно тронулась с места.

С улицы в окно проник свет фонаря, я чуть отодвинулась и смогла увидеть Соню. Довольная, но безумно усталая улыбка, две по-детски заплетенные косы с мохнатыми резинками оранжевого цвета на худых кончиках. Залегшие под лихорадочно блестящими глазами тени, бледность пугающая, и энергия такая же. Не загашенная, а сама по себе слабая, очень. Неуди-

вительно, что я не высмотрела. Сродни истощению, считай, что дара нет. Но отвечивало с двойной силой. Потому что она была не одна...

– Как?.. – выдавила я.

– Ну, Лейка, – тихо хихикнула Соня. – Тебе что, надо объяснять, как это получается?

Я мотнула головой, стиснув зубы. Любые слова были пустыми и неуместными. После той аварии врачи выражались категорично – детей у нее быть не может. Сейчас беременность вовсе шокировала... В ее-то состоянии! Чудо, что она дышит. Соня уткнулась носом мне в шею, растеклось спокойствие – странное, глухое, обоюдное. Не хотелось ни спрашивать что-либо, ни говорить. Что происходит, куда мы едем... Без разницы. Не думала, что когда-нибудь встретимся вновь. Черт, да я все это время гадала, жива ли она! Равномерная качка усыпляла, вскоре Соня задремала на моем плече. За окном мелькали фары машин, бортик шоссе и косой снег.

Анита изредка косилась в зеркало заднего вида, и если бы не это, можно было бы решить, что ей нет до нас никакого дела. Соня спала. Рядом, близко, до предела открытая. Энергия словно на ладони. Все оказалось еще хуже, чем выглядело. Сияние тусклое, как на последнем издыхании. Жизненных сил наперечет. Смотреть страшно, не то что трогать или пытаться передать свои... Слишком хрупкое равновесие. Единственный мощный сгусток пульсировал в самой глубине, от него и разгоралась ее энергия. Ненормально! Должно быть наоборот. Откуда у еще неродившегося ребенка столько сил?.. Дар ужасающе медленно, но все-таки восстанавливался. Не один месяц понадобится, чтобы прийти в норму. И это при условии, что она полностью поправится.

Машина притормозила, Соня нехотя открыла глаза. Снаружи был заснеженный двор, надежно защищенный высоким кованым забором. Переплетенные голые ветви массивных деревьев, чугунные скамейки по периметру. На аккуратном кирпичном здании в три этажа висела вполне современная вывеска клиники. Ну да... Куда еще Соню могли привезти? Тип из Совета остался в машине, Анита подчеркнуто гостеприимно указала на крыльцо и молчаливо пошла за нами. Хоть бы что-нибудь уже сказала...

В холле – обычные коридоры с зелеными стенами, глянцевые двери и ряды мягких кресел перед стойкой регистратуры. Людей мало – пара охранников у входа, медсестры в белоснежных халатах, мужчина почтенного возраста за стойкой и основательно небритый парень, внезапно с даром. Ниже среднего, но все же! Соня отдернула руку, выпрямилась и изобразила улыбку, с которой идут убивать.

– Надо же, и этот успел, – отметила Анита.

Не поняла...

Парень отлип от колонны, подошел к нам и, мазнув по мне любопытным взглядом, подмигнул Соне:

– Познакомишь?

– Ага, – сладко пропела она и по очереди кивнула сначала на меня, затем на Аниту, – это наша избранная, это конвой. – Улыбка превратилась в полноценный оскал. – А это будущий счастливый папочка.

Что?! Я замерла с открытым ртом, у папочки брови полезли на лоб. Похоже, удивился не меньше моего. Уставился на Соню совершенно круглыми глазами и выдал глубокомысленное:

– Хм...

– И все? – едко осведомилась она. – Больше ничего не скажешь?

– Такого в планах не было, – буркнул тот.

– Ути, – Соня впилась в него пристальным взглядом. – Сладкий, а чего ты так схуднул? Плохо кушаешь?

– От тоски... – проникновенно прошептал он.

– Ну, без толстой задницы как-то неинтересно! – рявкнула она.

Медсестра поджала губы, охранник кашлянул.

– София, Арсений, – отчеканила Анита. – Может, вы это потише обсудите или не при всех?

Соня хапнула его за руку и оттащила в угол. Откуда только силы взялись... Анита шагнула к регистратуре и, внимательно следя за ними, принялась давать какие-то указания мужчине за стойкой. Я осталась стоять в ступоре. Хорошо, хоть рот наконец захлопнулся! Соня сердито отчитывала Арсения, и выражение лица у нее становилось все ехиднее, и ехиднее. Он отвечал коротко, когда ему удавалось что-то вставить, и смотрел очень честными глазами. Мысли спутались окончательно. Нет, логично, что раз есть ребенок, то и отец должен быть, но... Кто это вообще такой?!

– Проводи ее в палату, – скомандовала Анита. – Третий этаж, конец коридора.

– Провожу. А откуда тут взялся Арсений?

– Соня позвонила, перед вылетом, – пожалала она плечами. – Милый мальчик, проблем с ним ни разу не было. Ей на пользу пойдет. Я надеюсь.

Я выдохнула и направилась в угол, где бушевали тихие, но нешуточные по накалу страстей разборки. Заметив меня, оба синхронно замолчали.

– Нам пора, – сообщила я.

– Иду, – кивнула Соня. Ткнула пальцем Арсению в грудь и прошипела: – Гад ты редкостный...

Тот снова сделал честные глаза, она махнула рукой. А хорошо у него получается... Почти как у котиков. Которые только что стащили у хозяев лакомый кусок и слопали. Странные у меня ассоциации!

Палата была светлой, просторной и больше напоминала номер в отеле: широкая кровать, шкаф с вереницей пустых вешалок, круглый столик, на котором стояла полная ваза блестящих, будто восковых яблок. За отдельной дверью обнаружился туалет и душевая с безумным количеством поручней, плюс жужжащий сушильный ящик. Жить можно. Соня оттянула воротник пушистой розовой кофты, которую добровольно никогда бы носить не стала, и опустилась на кровать.

– Годится! – оценила она, пытаясь рассмотреть, что видно из окна. По другую сторону вычурной решетки раскинулся парк. – Надолго и основательно я застряла. Вернуть дееспособность получится лишь через суд, а моя дорогая тетя опекунство надо мной передала сама догадайся кому.

– И что с этим делать? – выдавила я, слабо понимая, очень ли все скверно.

– Я же не юрист. В любом случае не хочу злить Совет и собираюсь быть паинькой. Неплохо ведь получается, а?

Соня невинно взмахнула ресницами и упала на подушку, устало вздохнув. Присев с краю, я накрыла ее найденным в углу кровати пледом в трогательные ромбики, и тихо спросила:

– Блок и остальное... из-за того, что Анита сделала?

– Не только, – отвела она глаза. – Я и сама прекрасно справилась. Та сила из Потока... как бы это сказать... убивает постепенно.

Убивает? Ничего себе! Знать об этом и использовать ее... Нет слов!

– Поэтому занятые ими тела быстро выходят в тираж, – как-то отстраненно пояснила Соня. – Ресурс организма исчерпывается за несколько недель или месяцев, смотря как усердствовать.

А может и за несколько часов, если с телом не повезет. Вчера убедились.

– Что знает Совет?

– Основную версию, – уверила Соня и украдкой подмигнула. – Без личных подробностей. Ясно, об Эсте она им не говорила. Уже хорошо.

Занялся рассвет. Сквозь прозрачную занавеску проникли косые лучи, засветилось оконное стекло. Яблоки блеснули гладкими боками, насыщенно красными, словно в краску окунули.

– Почему ты мне не рассказала? – Слова вырвались наружу, без возможности забрать их назад. Соня приподнялась на подушке, выгнула бровь. – О Паше и границе.

– Ого, – вспышку удивления догнал протяжный свист, – он тебе признался? Серьезно?.. Во дает.

– Не о нем речь. Почему молчала ты?

– Ну... Тебе так было лучше.

– Это мне решать, – отрезала я. – Заботливые нашлись. Всегда одного просила – правды, как есть.

– А это мне решать! Говорить правду или нет. Жаловаться не люблю, жертву изображать тоже. Забыть хотела обо всем этом. И без разборок потеряла достаточно.

Я отвернулась к окну. Яркие багровые всполохи, пронизанное светом небо. Пусть сами разбираются, оба не маленькие давно. Закончили с этим.

Соня придвинулась ближе, потрясла за плечо – слабо, но настойчиво.

– Было, прошло... – тихо сказала она. – Меня больше интересует, что будет.

Вот именно. Детей Соня всю жизнь не любила. Как таковых, в принципе. Выбирала рестораны и отели исключительно для взрослых, развлекаться предпочитала по ночам и стабильно прекращала общение со знакомыми, стоило тем обзавестись чадом. Собственный диагноз ее ничуть не расстраивал, то и дело повторяла: «Слава богу, что мне это счастье не грозит».

– Что собираешься с этим делать? – я наконец снова посмотрела на Соню. – Ты же говорила, что дети – не твое.

– Конечно, они же чужие были! А этот мой.

«Мой» прозвучало донельзя категорично. Как любое ее «хочу, и все». Попробуй не дай или отбери.

– Уверена? Прекрасно. Теперь ты отвечаешь не только за себя. Самое время прекратить куролесить и взяться за ум.

– Не начинай! – Соня сузила глаза. – От разговоров ты-же-мать меня вырвет! Да я...

– Да ты, – перебила я. – Ты – намертво зациклилась на нижнем Потоке, использовала заведомо опасную силу, втравила в это кучу случайных людей. Пустилась в бега, выдала тайну дара человеку из полиции, чуть не свела с ума целый торговый центр. В итоге фактически убила! Совсем рехнулась?!

– Лейка... – ошарашенно протянула Соня. – Ты орешь?

– Сейчас еще и тресну, чтобы лучше дошло!

– Хватит...

– Вот именно – хватит!

Соня промолчала. Нечего ответить? Еще бы!

– Я сделаю если не все, то многое, чтобы тебя вытащить, – хладнокровно произнесла я, хотя сердце бешено колотилось. – Но оно тебе надо?

Она села и обняла подушку – мягким, неуверенным движением, и уткнулась в нее носом.

– Знаешь, надо... Это странно, но я хочу, чтобы все стало обычным, нормальным. Без этого... веселья, чтоб его. Крокодилов и их разборок, войнушек Поточковых, тайных сил, древних офигительных историй. М-да. – Ее губы растянулись в насмешливой улыбке. – Вот уж не ожидала, что однажды у меня появятся такие желания.

– Жизнь умеет удивлять.

Соня крепче сжала подушку, я глубоко вдохнула, облизала пересохшие губы. Что-то внутри остывало, успокаивалось.

– Отдыхай, – велела я. – Что нужно Тео?

– О, тут я пас. Не волнуйся, сам тебе скажет. За ним не застрянет.

Кто бы сомневался. Лучше бы он где-нибудь застрял... Желательно в портале на границе! Но нам так не повезет.

– А что собираешься делать ты? – вернула она недавний вопрос. – Защищать ее?

Ну да, *ее*... Пятьдесят Вестников до этого рождались девочками. С чего правила изменились – загадка, но нам оно на руку.

– Справлюсь, – сказала я скорее себе. – Должна справиться.

Дверь дрогнула и отворилась, я тут же вскочила с кровати. Ощущение было дурацкое, словно сидеть здесь мне не положено, и сейчас непременно выставят вон. В палату на мгновение проник холодный свет коридора, внутрь шагнула Анита с пухлой женщиной в кристально чистом белом халате.

– Это лечащий врач Софии, и она введена в курс дела, – известила Анита подчеркнуто официальным тоном. – На сегодня с посещениями закончим.

Я кивнула – ей, врачу, потом Соне и вышла. В коридоре по-прежнему было тихо и пусто. Уже рассвело, и двор за окном выглядел вполне безобидно: деревья как деревья, обычный кованый забор, всюду снег. Сзади процокали шаги, рядом со мной остановилась Анита и тоже уставилась в окно.

– Спасибо, что известила, – я повернулась к ней.

– Я ведь обещала, – ровно выговорила она.

Общаться ее явно не тянуло – либо вообще, либо конкретно со мной.

– Я могу к ней приходить?

– Да, только мне позвони заранее. Без меня сюда никого не пустят.

Остается надеяться, что Анита перестанет игнорировать мои звонки. Все-таки она до сих пор наш куратор.

– Завтра что-нибудь из Сониных вещей привезу. У нее же тут нет ничего...

– Привози, – Анита облокотилась о подоконник.

Ни улыбок, ни привычных располагающих жестов, ни даже цветных прядок в волосах. Конечно, в джинсах в самолете удобнее, чем в кружевной юбке, но... Неужели это та девушка, которая разговаривала с цветком в чайнике и искрилась радостью от всего подряд? Не верится. Притворялась она тогда или притворяется сейчас? Что я знаю о ней настоящей? Черт! Милая Анита определенно мне больше нравилась.

– Что дальше? – не выдержала я.

– Соня пока останется здесь. Во-первых, ты видела – ей необходима помощь. Во-вторых... сама понимаешь.

– А ребенок?

– До этого еще дожить надо, – выпалила она. – Все зависит от нее. Будь добра, объясни своей подруге, что крушить чужую психику – плохо. Даже если ей очень надо. А темнить вам обоим лучше бы поменьше, окружающие и безо всякого дара не идиоты.

– Ты о чем?.. – опешила я.

– Лера, я в своем сообщении ни слова не написала о том, что она очнулась. А ты в машине не очень-то удивилась. Заранее знала, верно?

Так... Вот зачем она мне написала лично и отключила телефон! Подловить хотела. Да и пусть подавится. Надоели эти игры.

– И что с того? – осведомилась я.

– Я сразу поняла, что неспроста ее вернули. В обмен на что?

– Тебя это не касается.

Анита отлипла от подоконника, мигом забыв про равнодушие. Наши взгляды встретились, воздух наэлектризовался, ни намека на сдержанность не осталось. Давно бы так!

– Не касается? – прищурилась она. – Тебе напомнить, почему твоя подруга здесь, а не дома пинетки вяжет? Ты и сама чудом удержалась на плаву, растеряв все свои принципы! Что ждать на этот раз? Нет, это как раз меня касается! Кто-то должен думать про обычных людей, пока вы носитесь со своими секретами. Кучу времени приходится тратить, уговаривая вас сказать хоть слово правды. Виляния, реверансы... Достало!

В ней заискрилась злость, окатила обжигающей лавиной. Я не шелохнулась и глаз не отвела. В одном с ней точно согласна – достало. Еще как! Соня все равно им рассказала, пора завязывать с виляниями.

– А какая Совету разница? – спросила я прямо. – Ну вылезают пятеро из Потока раз в столетие за той единственной, что способна убить их. Вам ее жалко? Она же одна из нас.

– За ней по головам идут, – Анита шагнула вперед, расстояния между нами почти не стало, – ценой чужих жизней. Были случаи. Много случаев!

– О которых кроме вас никому не известно. Потому что официальных возвращенцев из ловушки не существует. Даже в тот раз, когда в Мадридской клинике подобное случилось при свидетелях, во время визита Марии – все быстро замяли, якобы ничего и не было. Это в тему скрытности!

– Неужели? – резко выдохнула она. – Я тебе еще в первую встречу рассказывала о перекидывании энергии Потока в реальность. Хотя информация секретная. Я ее годами собирала по архивам!

– Ты у нас начитанная, значит, – бросила я, совершенно перестав подбирать слова. – Нашла себе легенду, сказочку про древнее зло. Указываешь тут, что и как надо делать. В теории. А я у них была. Не один раз. По-настоящему, но вам не понять. Вас там никогда не будет. И разбираться с ними именно мне. А ты иди, еще почитай.

Анита растерянно моргнула. Я развернулась и пошла прочь, спиной ощущая ее пылающий гнев. Переживу! Просила правды – пусть получает. И не удивляется. Правда – она такая, умеет бить больно.

Из клиники меня выпустили безо всякого пропуска: и через напичканные электроникой двери, и через ворота. Буря внутри постепенно утихала. На фоне других проблем это все – так, плюнуть и растереть. Жаль, конечно, упущенных возможностей. Анита еще год назад упоминала ритуал, позволяющий обычному человеку получить некие способности. Хотелось бы узнать об этом побольше. До сих пор не понимаю, что с Владом происходит! Сама выясню. Без Совета. А сейчас пора домой, к Артему.

Как назло, дорога была пустой – ни людей, ни машин. Заснеженная стройка на поле-стадионе, полные мусорные баки под выцветшей крышей, чуть дальше – железнодорожные пути. По моей стороне тянулся глухой забор, в просветах которого виднелись ряды зеленых гаражей. Куда я забрела? Следовало у клиники такси вызвать, а не уноситься в неизвестном направлении. Найти бы что-нибудь приметное, чтобы диспетчеру описать. Я пошла вдоль забора, впереди показались распахнутые ворота. Тихие шаги царапнули сознание предчувствием опасности. Поздно. Голова закружилась, мир поплыл, запястье словно тисками сдавило. Рывок, руки заломили за спину. Оказалась прижата лицом к забору, в расстегнутый воротник забрался холод. Шеи коснулось что-то острое, холодное.

– Попалась, – прошептал в ухо голос.

Я инстинктивно потянулась к сознанию напавшего. Тщетно. Дар не спасет. Против этого-то...

– Наконец поговорим, – довольно хохотнули. – А то каждый раз так быстро убегаешь.

Кто из пяти?... Не представился. В нем плескалось ненависть – злая, яростная, раскаленная до предела. Ни разу ее столь густо не ощущала.

– Мне не ты нужна. Сама знаешь.

Лезвие впилося в кожу – можно было не сомневаться, это оно. Я замерла, боясь пошевелиться. Хотя вряд ли у меня бы получилось...

– Где она?

Воздух уплотнялся, давил. Пропитывался удушающей энергией. Явственно чувствовалось – это далеко не предел.

– Что ж, ответь ты сразу, было бы даже скучно...

Шею обожгло, я дернулась. Запястья сдавили сильнее, в глазах потемнело.

– Нехорошо, Эсте. Вышла из игры – твое дело, зачем другим все портить?

Боль резанула отчетливее, под воротником стало жарко, липко, влажно. Наружу вырвался стон. Ответить, стараясь одурачить? Наоборот, проговорюсь. Кричать и звать на помощь? Никто не поможет. Стиснуть зубы и молчать? Пожалуй...

– Где эта тварь?

Ужас прокатился волной, комком подступил по горлу. Спокойно! Не хватало еще, чтобы он его почувствовал... Обойдется! Вязкая влага на коже, бешеные удары сердца сквозь шум дыхания. Воздух душил, боль нарастала. Сознание меркло, пытаюсь спасительно отключиться.

– Ладно, – вздох оглушил, лезвие соскользнуло прочь. – Попробуем иначе.

Меня грубо оттащили от забора, встряхнув. Картинка перед глазами прояснилась. Улица, припорошенный снегом асфальт, серое небо. Из ворот прошаркал дед с овчаркой на поводке. Увидев нас, остолбенел. Седые брови сдвинулись к переносице, хлынула тревога. Мгновение, и энергия сгустилась, пространство рассек колючий импульс. Овчарка оскалилась, медленно повернулась к хозяину. И прыгнула. Тот закрылся руками, выпустив поводок. Вскрик, падение на землю. Я зажмурилась, донеслось рычание вперемешку с хрипом. Секунда, другая, третья... Все стихло.

– На соседней улице народа побольше, – многообещающе произнес голос. – Продолжим там?

Хватка на запястьях ослабла, развернуло к тому, кто говорил. Что-то заставило разлепить веки, и я смогла увидеть его – мужчину средних лет, со шрамом над губой и тусклыми, мутными глазами. Ничего в них кроме жгучей ненависти не было.

– Мы ее все равно найдем, – пообещал он. – Ты скажешь. Раз себя и посторонних не жаль, прокатимся. У тебя близких всего несколько человек, много времени не займет. Начнем с твоего дома?

Я зачем-то мотнула головой. Слишком сильно... Улицу заполнили яркие, разноцветные круги. Впереди метнулась тень. Толчок, его пальцы разжались. Я рухнула вниз. Неразборчивая ругань, тонкий звон металла об асфальт. Он разросся, стал громким, дребезжащим, невыносимым. Подняться. Нужно подняться! Увы... Тело не слушалось, мир отдалялся. От мощной, странно схлестнувшейся энергии рябило вспышками, подкатывала тошнота. А потом все поблекло. Кто-то обхватил меня за талию и поставил на ноги. Замелькал грязный, в багровых разводах снег. Кровь?..

– Не смотри туда, – донесся сквозь пелену голос, уже другой и смутно знакомый.

Я кивнула, подняла взгляд. Стоп! Что он тут делает?.. Как его там... Арсений? Застегнув мой многострадальный воротник, он потянул меня в противоположную от ворот сторону. Ладно. Не думать, не вспоминать, не оглядываться... Просто идти. Навстречу попадались люди, сзади испуганно кричали. Я дышала – глубоко, до головокружения. За стадионом оказалась шумная дорога, вереницей выстроились длинные дома с вывесками. Запахло кофе, звякнул колокольчик на двери. Во рту появился противный металлический привкус, снова вспыхнули дурацкие круги. Опомнилась в углу кафешки, на мягком диване. Глянцевое меню на столике обещало скидки и райское наслаждение. Запястья жгло, в шее навязчиво пульсировала боль. Я аккуратно сняла дубленку, размотала пропитанный влагой черный шарф. Провела пальцами по коже. Липко...

– Ничего серьезного, – уверили сверху, – но не трогай.

Я вздрогнула, на диван приземлился мой неожиданный спаситель и ткнул мне в руки здоровенный стакан кофе. Отпила тут же. Глотала отрезвляющую горечь, пока мерзкий привкус не притупился и не исчез. Отставив полупустой стакан, заметила пристальный взгляд.

– Как?.. – единственный вопрос, на который меняхватило.

– С трудом, детка, – его губы изогнулись в самой бесстыдной улыбке из мною виденных. – Даже не знаю, чем расплачиваться теперь будешь...

Словно током пронзило. Я вскочила с места, но путь преградили быстрее.

– Сладкая, сядь на место, – вкрадчиво велел он. – Или я тебя сам усажу...

Я сглотнула и благоразумно опустилась на диван. Без паники... Догадываюсь, кто передо мной! Но раз спас, вряд ли мне что-то угрожает. По крайней мере, не прямо сейчас. Прекратив коситься на дверь, я постаралась расслабиться. Мой личный ритуал: обхватить ладонями теплый, остывающий стакан, сосредоточиться на кофе. Крупный глоток, затем еще один, и еще – до дна. Уже не так скверно. Мысли путались, в горле першило.

– А что с... – выдавила я.

– С Крисом-то? – Спаситель в своей типичной издевательской манере изогнул бровь, и последние сомнения отпали. Тео, собственной переселенной персоной. – К сожалению, фокус удался лишь наполовину. Но в ближайшее время не встретитесь. А потом... Побольше ходи темными подворотнями в одиночестве, и новые приключения на твою задницу гарантированы. Может, кого поинтереснее подцепишь!

Пальцы чуть смяли стакан, хруст окончательно привел в чувство. Он прав. Я сглупила, причем сильно. Поддалась порыву, наплевала на осторожность. Не взбреди мне в голову рвануть в незнакомые дворы, не столкнулась бы с Крисом. И тот дед с собакой не пострадал бы. Это из-за меня случилось! Еще с Анитой спорила... Охотятся за Вестником, задевает тех, кто рядом. А ведь Паша тоже предупреждал. Черт!

Я обмотала шарф вокруг шеи и на всякий случай прикрыла саднящее место волосами, чтобы не привлекать лишнее внимание. Тео наблюдал за мной с самодовольной улыбкой, потягивая через трубочку... молочный коктейль?.. Надеюсь, надувного розового пони поблизости нет. Или что еще у него списке желаний было. Подумать только, сижу с ним в кафешке после трех стычек в глубоком Лектуме и даже обрушенного на его голову потолка. Внешне мало общего, но жесты... Как я в клинике не заметила? Ах, ну да. Потому что их не было! Тоже мне котик. По энергии – ничего выдающегося, в жизни бы не заподозрила. Уверена, его след Влад периодически и засекал в городе – тусклый и едва заметный, с минимальным отблеском силы. Он вроде как несколько месяцев здесь ошивается, никем больше незамеченный. Выходит, Арсения поймали в ловушке и сразу оккупировали, минуя клиники. И чем Тео был столько времени в его теле занят?..

– Погоди, – дошло до меня. Разобрал дурацкий смех, еле выдохнула: – Счастливый папочка, да?

– Ну... – Он повозил трубочкой в коктейле. – Физически, биологически или, как бы это сказать, технически... М-м-м... Спорный момент. – Мне отсалютовали бокалом, физиономия напротив стала донельзя сытой и довольной. – А энергетически – определенно, да.

Вспомнилась осень, торговый центр. Несмотря на все ухищрения, у Сони не вышло избавиться от его энергии. Конечно, избавишься тут! Даже Анита всю выжечь не смогла. Но ребенок ее с того света вытянул, и сейчас продолжает. Что же там такое?! Сдается мне, оба будущих родителя сами не знают. Соня о своем положении не догадывалась, он сегодня тоже искренне удивился. Немудрено было не заметить! В ней энергии смешалось много, особенно его, толком не рассмотришь. А вот Базиль понял. Тогда, в глубоком Лектуме, после неудачной попытки их связь разорвать. Что нам сказал с ошарашенным видом? «С этим как-нибудь без меня разбирайтесь». И на том спасибо...

– Базиль знает, – сообщила я. – Намекал еще два месяца назад.

– Это хреново, – отметил Тео, но без особого беспокойства. – Особенно теперь, когда Крис ему нажалуется по поводу одной отжатой в переулке девицы.

Я демонстративно хмыкнула. Нечего на чувство вины давить! Не благодаря героическим порывам он мне помог, отнюдь. И пора уже выяснить истинные причины.

– Чего ты хочешь?

– Остаться.

Сказать, что я растерялась, значит, ничего не сказать!

– Где? В смысле... тут? В реальности?!

– Так точно, – с деланной невозмутимостью подтвердил Тео и задумчиво склонил голову набок. – Первые три тысячи лет еще было прикольно. Ладно, даже четыре. Делай что вздумается, будь кем угодно, почти без ограничений. Собственный мир, вечная жизнь, силы вагон, что столько и не утащить. Но надоело. Смертельно скучно. А начать с нуля и не помнить всего – отстой.

– Ага, – кивнула я в такт излившейся лирике. – То есть ты сожрал несчастного Арсения, украл его тело, а теперь еще хочешь жить в нем спокойно и счастливо?

– Я бы выразился менее драматично. Но по сути, все верно! И ты мне в этом поможешь.

Я?.. С одной стороны, уже два раза ему жизнью обязана. С другой... Какого черта?! Нельзя на протяжении веков присваивать половину Потока, поглощать сознания людей пачками, убивать маленьких девочек, а потом переехать обратно реальность как ни в чем не бывало. Заскучал, видите ли. Нет, абсолютно со всех сторон – обойдется!

– Ни за что, – отрезала я. – Не будет этого.

– Это в том варианте, где у тебя есть выбор? – ехидно осведомился Тео.

– Брось, – губы расплылись в невольной улыбке. – Шантаж и угрозы не удались. Ничем ей ваша, так называемая связь не грозит.

– Ух ты, я начал производить столь благоприятное впечатление! Мама бы мною гордилась...

Сомневаюсь. И прямым текстом мои слова не опроверг. Я не ошиблась – ничего он Соне не сделает. Кроме того, что уже есть!

– Ради чего все это? Пары месяцев?.. Или сколько у тебя там времени?

– Крошка, это грустно, – картинно вздохнул он, – две жизни подряд быть такой пессимисткой.

Я откинулась на спинку дивана, сложила руки на груди. Внутри пылало возмущение, но вкупе с любопытством. Какой-то план у него должен быть.

– Факторов до фига и больше, – будничным тоном пояснил Тео. – Да, способности сверхдара убивают. Только можно ими и не пользоваться. Все зависит от конкретной поглощенной личности. Чем дольше она сопротивлялась в ловушке, тем навязчивее в родном теле пытается выхватить руль. Уходит много сил, чтобы постоянно ее подавлять. А наш, как ты выразилась, несчастный Арсений после двух неудачных попыток суицида нашел более действенный способ.

– О... – протянула я. – Ты его, получается, осчастливил. Ну раз так, это в корне меняет дело!

Он закатил глаза, я накинула дубленку, поднялась с дивана. Шарф сдвинулся в сторону, задетая рана напомнила о себе острой болью. Потерплю до дома. Шаг прочь, застегнутые на ходу пуговицы.

– Знаешь, почему она ушла? – догнал со спины голос. – Осталась одна. И потому проиграла.

Я не обернулась. Справилась с головокружением и вышла за дверь. Оживленная улица кишела людьми – впервые им обрадовалась. Припаркованное у остановки такси было свободно, в него и села.

Возможно, Эсте проиграла. Но я-то не она.

Глава 6

Феликс

Свободного пространства в антикварной лавке практически не было. Плотные ряды шкафов, поблескивающие тяжелыми корешками книги, десятки выцветших открыток под стеклом. Стены пестрели картинами в глубоких рамах, монотонно отстукивали маятники старинных часов. Консультант внимательно смотрела на меня сквозь очки в толстой оправе. Образцовая осанка, строгий костюм с иголки, старательно наклепленная, напроочь искусственная улыбка. Три дня назад она потеряла старшего сына. Шанталь Берг, сорок лет, второй раз замужем, фактически всю жизнь работает здесь. Говорят, фанат своего дела и невероятной честности человек. Проверим.

– Я звонил вам вчера. Вы сказали, лучше лично прийти.

– Феликс? – уточнила она устало. – Насчет марок?

Протянутый альбом избавил от ответа. Шанталь аккуратно взяла его обеими руками, со вздохом отметив:

– Вы опоздали. Ждала вас час назад. У меня обед через десять минут.

Знаю. Она раскрыла альбом, скользнула по нему равнодушным взглядом. Секунду спустя нахмурилась, недоверчиво моргнула и схватилась за лупу. Тихо шуршали страницы, глаза в очках округлялись все сильнее. Шанталь удивленно уставилась на последнюю страницу, потом в монитор. Клацанье клавиш, растерянность на лице. Да не ошиблась, не ошиблась. Все так.

– Это у вас откуда?..

– От отца остались. В наследство.

– Соболезную вашей утрате, – на автомате выдала она. – Неужели отец не говорил вам, что собрал?

– Там что-то редкое?

Шанталь взволнованно развернула ко мне альбом и принялась листать, сыпля названиями, годами и странами. Действительно, много знает. И все правильно назвала.

– Отнесите их лучше в филателистический клуб, – выдохнула она, – адрес я вам дам. Даже приблизительно боюсь сказать, сколько оно стоит, но, поверьте, много.

– Деньги меня не интересуют.

– Да?.. А зачем тогда...

– Отец умер почти тридцать лет назад, с тех пор и валяются. Захотелось выяснить, что там.

– О, да, – ее улыбка стала чуть приветливее, – обычно так и бывает. На чердаках столько сокровищ пылится. Десятилетиями лежат на дне коробок никому не нужные, пока случайно не вытащат. Хорошо, если не сразу на помойку несут! Думают – что ценного в этой рухляди... А порой на барахолке такие уникальные вещи попадают.

– Находили?

– Еще как! – Глаза за толстыми стеклами очков азартно заблестели. – Слушайте, если деньги вас не интересуют, отдайте в музей.

– Например, куда?

Шанталь с сожалением покосилась на мерно тикающие часы.

– Давайте я вам на обеде компанию составлю, – предложил я. – Заодно подробнее расскажете.

– А давайте, – охотно кивнула она.

Пока все по плану.

Обедала Шанталь в уютном кафе на углу улицы, которое и самые местные нашли бы с трудом. Поворот в слабоосвещенный тоннель, неприметная дверь без вывески, внутри – всего несколько столиков, нацарапанное мелом на доске меню и единственная хозяйка, заменявшая всех сразу. Готовила недурно, и что хорошо – не особенно быстро. Пока ждали скромно предложенное ею фирменное блюдо, получил подробный список «идеально подходящих музеев», преимущественно французских, рекомендации, на какие условия соглашаться, два номера телефона ее добрых знакомых, которые «непременно помогут», и выслушал рассказ об однажды найденном на барахолке странном мяче, после отмытки оказавшимся раритетным глобусом. Починили, по сей день стоит в ее комнате. Поначалу отвечать не требовалось – лишь заинтересованно кивать и улыбаться, изредка подкидывая наводящие вопросы. Шанталь явно пытаясь разговором на любимую тему хоть как-то отвлечься, но мрачная тень не сходила с ее лица.

– Пожалуй, пусть будет почтовый музей в Праге, – сказал я, когда она окончательно замолчала, уходя в себя. – Вполне справедливо – на родину вернуть.

– О, вы оттуда, – заинтересовалась она. – А здесь какими судьбами?

– По работе.

– Хорошая, наверное, работа, – в голосе прозвучало неподдельное любопытство, – раз готовы делать такие подарки.

В удачное русло зашло. Без повода сообщать место работы было бы странно. А тут сама спросила. При упоминании фонда ее улыбка превратилась в жалкую, и та сползла.

– Слышали о нас?

– Не только слышала, – Шанталь поджала губы, – к сожалению.

– Что случилось?

– Неважно.

– Очень даже важно. Вы мне помогли, хотелось бы ответить тем же.

– Да не с чем там помогать... – тяжело вздохнув, она сняла очки, устало потерла переносицу и надела их обратно. – Разобрались давно.

– Вряд ли это сделали должным образом, раз у вас подобная реакция. Поверьте, это не праздное любопытство. Я отвечаю за порядок в фонде уже несколько лет, и подобные случаи меня напрямую касаются.

Еще вздох в ответ. Ясно. Не тот метод.

– У нас безупречная репутация, – продолжил я, – благотворительные проекты с множеством спасенных жизней и психологи отличные.

– Отличные?! – Она подпрыгнула на месте. – Ваш отличный психолог мне такого про моих сыновей наговорил, что волосы дыбом встали! Бред полный! Так ей и ответила, когда ко мне дар речи вернулся, а она скандал закатила – какая из меня мать, если не вижу, что у меня под носом творится.

– Скандал?

– Зато рекомендации у нее были... Безупречные, между прочим. Проблемы младшего пытались решить. Эта ненормальная заявила, что во всем старший виноват, не ребенок, а дьявол во плоти. А он замечательный! Ласковый, внимательный. Круглый отличник. Слова мне дурного за всю жизнь не сказал. Его не стало на днях, Адам с тех пор и не разговаривает ни с кем.

Шанталь набрала полные легкие воздуха и через силу замолчала.

– Сочувствую, – сказал я, выждав паузу. – Жаль, что пришлось эту тему затронуть.

– Извините, – она выдохнула, отпила из чашки. – Не хотела быть резкой... Мне все деньги вернули, другого психолога предлагали. Но доверия им не было никакого. Важная дама из руководства столько передо мной извинялась. Не помню имени...

– Маэва Келлер?

– Верно.

Интересно. Чтобы Маэва, и лично занималась конфликтами психологов с клиентами? Не ее вотчина. Шанталь допила чай, повертела в руках пустую чашку, и растерянно добавила:

– Я почти забыла эту историю. Просто сейчас... все, что касается... Ладно. Возможно, нам тогда просто не повезло.

– Послушайте... – нашлось идеальное решение. – Надо это исправить. Говорите, ваш младший, Адам, ни с кем не разговаривает?

– Они с братом очень близки были. Скучает. И ничего тут уже не исправишь.

– Знаю, кто ему поможет. – Я протянул ей визитку Ланса. – Он у нас лучший специалист, по крайней мере, последние лет сорок. И за это время ни одного скандала. Самые тяжелые и, казалось бы, безнадежные случаи вытягивает. Попрошу с вашим Адамом поработать. От вас – только привести его. Договорились?

– Не уверена, – замялась она, но визитку взяла, – что идея удачная.

– Это меньшее, что мы можем для вас сделать.

На ее губах появилась неуверенная улыбка, визитка исчезла в недрах сумочки. Если позвонит, будет отлично. Ланс выяснит, какие у ее мелкие проблемы. И заодно подскажет, в чем подвох. Что-то в этой истории не так.

По пути в офис сделал на машине крюк. Десять минут от черты города, теряющийся в тумане берег озера. Высокая многоскатная крыша, заметная издали, вечно зеленый холм, пара извилистых, ведущих к воде лестниц. Возвращения были неизбежны – взять что-нибудь или вернуть, и заодно убедиться, что дом стоит на месте. Стоял, всеми тремя этажами, считая подземный. Холл с длинным рядом панорамных окон, за которыми виднелась обманчиво бесконечная гладь озера. Чердак сквозных арок, по-нежилому симметрично расставленная мебель, стерильная чистота, канувшие в наведенном порядке свечи в баночках и прочие безделушки. Домработница – второй человек, у которого есть ключи, и приезжает она сюда гораздо чаще меня.

Альбом отправился обратно в шкаф. Отлично себе лежал, и дальше полежит. По доброй традиции, существующей среди особенных вещей, нашелся случайно. В первый мой визит к Еве. Она решила, что чердак ей для чего-нибудь пригодится, и надо бы разгрести завалы. «Наверное, все-таки пора» – выговорила уверенно, будто меня для этого десять лет и ждала. Лестница вверх скрипела, остро пахло пылью, под ногами вился племянник и бесконечно пиликал на игрушечном синтезаторе. Завалов было на два треснувших, плотно сбитых ящика. В одном из них сверху валялся альбом, под слоем трухи и полосатым шарфом. Слегка топорщился заломленный угол обложки, прозрачные вставки между листами смялись. Ева порывалась его выкинуть, вместе с отсыревшими бумагами и побитыми елочными игрушками. Зачем-то достал из коробки в последний момент. А через пару лет выяснилось, что там коллекция редких марок, и не зря отец его постоянно на верхнюю полку от нас убирал.

Перед кабинетом Маэвы сидела Хлоя. На диване, прилежно сложив руки на коленях и не сводя с них глаз. Либо ждала своей очереди, либо не решалась войти.

– Ой, привет! – Она подняла растерянный взгляд. – А я вчера ездила в школу Артура и Натана. И сегодня с утра тоже. Познакомилась с ребятами из школьного оркестра, затем с их друзьями...

– И? – Я сел рядом. В этом крыле не бывает лишних ушей. – Что выяснила?

– О ребятах практически не отзываются хорошо. Разве что об Артуре... Что был, в общем-то, нормальный. До того как связался с этим жутким мудаком. – Хлоя запнулась и густо покраснела. – То есть... Э-э-э... Не то хотела сказать. В смысле... Я цитирую первоисточник!

– Первоисточник – это важно.

– Да, – немного успокоилась она. – Школьные короли. Обижали и новеньких, и стареньких, могли жизнь любого в ад превратить, чем занимались часто. И ничего им за это не было. У Артура родители крутые, Натан – гордость школы. Другие ученики обоих боялись и сильно не любили. Ненавидели! Даже якобы приятели и прочие, кто пытался ими стать, лишь бы их не трогали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.